

ЭЛИША

A silhouette of a man in a dark coat walking away from the viewer on a misty road towards a bright light source in the distance.

Й. ЛЁВЕН

Йоханн Лёвен

Элиша

<https://litres.ru/73978594>

SelfPub; 2026

Аннотация

Его путь был ни слишком лёгким, ни чересчур тернистым, к тридцати годам Марк Свенссон — человек рассудительный, открытый и целеустремленный — сумел построить себе хорошую жизнь.

Но всё это растворяется в дыму авиакатастрофы. Несмотря на любовь семьи и близкого друга, Марк всё глубже погружается в отчаяние. Он больше не видит смысла в своём существовании, ничто не даёт ему опоры.

В какой-то момент смерть начинает казаться ему единственным выходом. Но улыбка маленькой девочки приносит ему спасение — веру в Иисуса Христа.

Марк принимает этот дар. И с тех пор он больше не боится жить. Как не боится и умереть.

«...ибо, когда я немощен, тогда я силён».

2-е Коринфянам 12:10

Содержание

Пролог	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	6
Табеера	7
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	36
Глава 5	51
Глава 6	57
Глава 7	61
Глава 8	71
Глава 9	79
Глава 10	86
Глава 11	89
Глава 12	92
Глава 13	95
Глава 14	99
Урим	107
Глава 15	107
Глава 16	112
Глава 18	120
Глава 19	129
Конец ознакомительного фрагмента.	173

Йоханн Лёвен

Элиша

...и он молился и говорил:

— Господи, открой ему глаза!

И Господь открыл слуге глаза,
и он увидел...

Четвёртая книга Царств 6:17

С благодарностью моему папе.

Пролог

Не тратить время попусту, ведь из него соткана жизнь. Успех — это шанс, облечённый в тяжкий труд. Даром не даётся ничего, кроме корней. Они в жизни опора и сила.

Но внезапно — взгляд в глаза новорождённого ребёнка, в эту невыразимо глубокую сияющую синеву, такую неземно светлую и яркую, такую чистую и лучистую, какими эти глаза больше никогда не были.

И уделом духа, узревшего красоту Бога, осталась — неопишуемая тоска.

И осознание того, как мало шума производят истинные чудеса, и что все корни берут своё начало на небесах, и что есть только один, только небесный путь, ведущий из времени в вечность — любовь.

И последнее слово перед тем, как смолкнешь — Бог.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

...что сила у Бога...

Псалом 62:12

Табеера

(Пожар)

Глава

1

Воскресенье началось серым, дождливым и ветреным. Мелкий дождь время от времени с силой швыряло ветром — окна. Пришёл апрель.

Соня Бауман радовалась работе, она ей нравилась. Ожидание того, что сегодня может произойти, каждый день было по-новому захватывающим. Соня любила вызов, который приносило с собой это неожиданное. Она бодро выключила будильник и пошла в душ. Свежесть воды усилила её хорошее самочувствие. День обещал быть хорошим.

†

Маленький региональный аэропорт жил собственной жизнью. Или, точнее, он был собственным миром, и самолёты задавали ритм его существования. Всё остальное — транспорт, огромные табло, бесконечные конвейерные ленты, компьютеры — всё служило тому, чтобы доставить определённое количество людей в определённый самолёт и затем дать ему взлететь как можно более по расписанию. И наоборот, прибывших пассажиров нужно было быстро обслужить, а самолёт — быстро подготовить к следующему рейсу.

Но всегда возникали большие и маленькие сбои и проблемы. Овербукинг, потерянные животные, чемоданы, зубные протезы и школьные классы. К этому добавлялись преступления, связанные с наркотиками, истеричные матери, украденные сумочки, сломанная техника и нехватка шариковых ручек. Кто-то должен был заниматься всем этим и обеспечивать более или менее бесперебойный ход работы. Это и была задача менеджера терминала.

Соня ещё раз поправила причёску и проверила свой именной бейдж. Вооружившись планшетом с зажимом и рацией, она погрузилась в этот захватывающий, более или менее организованный хаос.

†

Удивительно, но это воскресенье было очень спокойным. После приёма смены и нескольких мелких дел, которые требовали уточнения, у Сони на данный момент не было ничего делать. Всё было выполнено, обо всех позаботились. Большое чувство удовлетворённости собой и миром охватило бы Соню, если бы не намёк на какое-то дурное ощущение где-то глубоко в её животе. Но Соня не могла ни к чему отнести этот намёк. Она ещё раз обдумала свои задачи, внимательно огляделась и пришла к выводу, что всё совершенно в порядке. Поэтому она решила проигнорировать это неприятное чувство и пошла в свой кабинет, из окна которого она могла обозревать почти всю зону вылета вместе со смотровой площадкой. Соня устроилась у окна с чашкой кофе в ру-

ке.

Толпа людей колыхалась у стоек. Напряжение перед предстоящей поездкой было заметно у многих, но в подавляющем большинстве люди улыбались. Это и было причиной, почему Соня больше всего любила зону вылета. Здесь большинство людей были просто более радостными, они собирались отправиться в самые прекрасные недели года. Общее настроение предстоящего отъезда придавало всему происходящему особый, почти романтический оттенок.

На смотровой площадке, примерно в десяти метрах от её кабинета, Соня увидела знакомое лицо. Поскольку в данный момент её задачи не слишком её нагружали, она внимательно рассмотрела мужчину, которому принадлежало это лицо. По виду она его знала, он время от времени приходил сюда. Он какое-то время наблюдал за взлетающими и приземляющимися самолётами и затем исчезал. Соня находила его, точнее его манеру, интересной.

Он всегда держался немного в стороне от окружающих его людей, как будто намеренно дистанцировался от всего, насколько это было возможно в аэропорту. Он не подчинялся его ритму. Соне всегда казалось, что он находится в другой, своей собственной мире. В его лице всегда была какая-то отстранённая расслабленность. Его лицо, его осанка, даже его интровертная, едва заметная улыбка были спокойными, уравновешенными и уверенными, иногда он даже казался немного высокомерным. Он выглядел как человек, который

точно знает, чего хочет.

Обычно мужчина был одет в кожаный мотоциклетный комбинезон и держал в руке чёрный мотоциклетный шлем. Сегодня на нём была обычная одежда — чёрные брюки и чёрная кожаная куртка в лёгком стиле. Внешне он, как и всегда, казался отгороженным, но сегодня он, казалось, находился в каком-то ожидании. Его лицо выглядело не совсем так, как обычно — в этом Соня могла с большой уверенностью судить — сегодня казалось, что мужчина чего-то ждёт с радостью.

Соня вдохнула аромат своего кофе. Голос из громкоговорителя прервал её мысли. Самолёт такой-то авиалинии, рейс такой-то на Родос, пассажиров просят... и так далее. Соня сделала глоток кофе и снова посмотрела на мужчину. Тот лишь сменил опорную ногу и теперь стоял, слегка наклонившись, прислонившись к стеклянной стене. Дождь усилился.

Тем не менее было слышно, как Боинг 373-300, который должен был лететь на Ибицу, увеличил тягу двигателей для взлёта. Затем самолёт резко начал разгоняться вперёд. Дети и многие взрослые на смотровой площадке заметно оживились, некоторые показывали пальцем на самолёт, который тяжело оторвался от взлётной полосы.

Глава 2

Внезапно огромные капли дождя горизонтально швырну-

ло в оконные стёкла. Некоторые зрители испугались и отступили назад. Самолёт, который всего несколько секунд находился в воздухе, странно закачал крыльями, затем его внезапно, словно гигантской невидимой силой, с невероятной мощью почти вертикально обрушило на землю.

†

В зале стало неестественно тихо — так, как Соня никогда прежде не испытывала.

— О боже... — вырвалось у неё.

Она вся сжалась, словно парализованная. Рука, державшая чашку, побелела. Она смотрела на людей на смотровой площадке.

Когда мелкие обломки стали биться о стеклянные стены, Соне показалось, будто та злая, невидимая сила, которая только что уничтожила самолёт, теперь напала на людей. Будто эта сила ломала людей одного за другим, как зубочистки, оставляя их с побелевшими лицами. Некоторые из них опускались на пол, многие плакали, некоторые кричали, все были поражены и отмечены катастрофой — кроме него.

Мужчина не упал, не плакал и не выглядел сломленным. Он лишь больше не прислонялся к стене, а стоял, слегка наклонившись вперёд. Соне казалось, будто она видит, как слепая, яростная сила остановилась перед ним. Будто она с жестокой спокойностью оценила его, а затем деловито, медленно и равнодушно положила ему руки на плечи и упёрлась коленом в его спину. Резкий рывок — как когда кому-то вправ-

ляют кость, — затем сила отпустила его и продолжила бушевать. Он стоял там, прямо, не согнувшись, среди падающих людей. Бледный, без единой слезы, в то время как вокруг него рушилась действительность.

Тогда Соня осознала, почему она здесь и что должна делать. Она бросила короткий взгляд на хаос на площадке и во всей зоне вылета и выбежала из кабинета. Первые пять минут среди плачущих людей были тяжёлыми, и Соня чувствовала себя беспомощной. Ей понадобилось время, чтобы справиться с ситуацией. Затем сработал автоматизм, возникший из её подготовки, и Соня взяла себя в руки.

Она подходила к людям, которые сидели на полу или лежали, помогала им подняться, вела их к стульям и говорила слова утешения. Как бы это ни было непостижимо — Соня приспособилась к ситуации и снова действовала почти нормально. Насколько вообще сейчас можно было говорить о нормальности.

— Алло, Соня? — голос начальника смены раздался в её рации, когда она с первыми успехами успокаивала людей в зоне вылета и начинала наводить хоть какой-то порядок. — Соня, к вам сейчас подойдут несколько коллег на помощь. Вместе с ними вы отныне занимаетесь исключительно родственниками погибших. Отделите их от остальных присутствующих. Родственников нужно обеспечить в первую очередь и защитить от репортёров — они наверняка скоро появятся. Подготовлено помещение в секторе Д. Если будут

спрашивать о выживших — отвечайте уклончиво и неопределённо. Важно сейчас дать людям опору, что-то вроде цели. Переведите родственников в это помещение, чтобы мы могли спокойно ими заняться. Примерно через час, возможно чуть больше, придут психологи. Всем остальным занимаются другие сотрудники. Вы в первую очередь обслуживаете родственников погибших. На этом всё. Нет, ещё... — начальник запнулся. — Если вы справитесь со своей задачей и увидите хоть какую-то возможность, поищите свидетелей катастрофы. Кого-то, кто всё хорошо видел и не является лично пострадавшим, вы понимаете... — казалось, ему было неловко возлагать на Соню ещё и это. — Авиационные ведомства хотят рассмотреть это дело со всех сторон. Удачи. Я позже снова выйду на связь.

Это была достаточно чётко очерченная задача, и Соня была за это благодарна. Коллеги как раз подошли. Соня кратко проинструктировала их, они согласовали порядок действий и сразу разошлись.

†

Большинство родственников людей, находившихся в самолёте, можно было узнать по лицам — в них читались боль и оцепенение. Большинство из них сгрудились в одной стороне зала вылета, некоторые немногие бесцельно ходили туда-сюда. Соня и её коллеги осторожно обращались к ним и по одному или небольшими группами отводили их в сектор Д. Люди были благодарны за внимание.

Через двадцать минут они закончили свою задачу и направились в сектор Д, чтобы продолжить заботиться о родственниках уже там. Соня замыкала группу, чтобы убедиться, что никого, нуждающегося в помощи, не пропустили. Но, похоже, они справились хорошо — она никого не увидела.

Соня на мгновение остановилась и собралась с мыслями. Здесь всё было завершено, оставался только свидетель. Эта задача вызывала у неё внутреннее сопротивление. Кому-то из родственников такое нельзя было навязывать — лично пострадавшие отпадали. Остальные люди в зале, к которым Соня обращалась по поводу аварии, либо ничего не видели, либо не хотели или не могли говорить о случившемся. Соня понимала это. Даже не будучи лично затронутыми, все были потрясены. Было сомнительно, что человек в таком состоянии сможет сообщить что-то хоть сколько-нибудь существенное для расследования. И — мелькнуло у Сони в голове — никто из этих людей здесь не разбирается в авиации. Всё это казалось ей совершенно безнадёжным, даже абсолютно бессмысленным. Ей хотелось как можно скорее избавиться от этой ноши и заниматься только людьми, а не ведомственными делами.

Соня уже хотела передать, что нет свидетеля, соответствующего требованиям авиационных ведомств. Но затем она увидела, по-видимому, единственного свидетеля. Мужчина, о котором она думала ранее, стоял в стороне, прислонившись к колонне, словно кого-то ждал. Соня направилась к нему.

— Добрый день, — поздоровалась она.

Мужчина перевёл на неё взгляд. Та мягкость, которая обычно была в его лице, та лёгкая мечтательность исчезли, серые глаза были пустыми. Там, где должны были быть разум или чувство, или хотя бы эмоция, не было ничего — только пустота. Всё его лицо было таким же пустым, словно высеченным из камня, без всякого выражения. Его глаза были устремлены на Соню.

— Здравствуйте, — сказал мужчина отрешённо.

— Меня зовут Соня Бауман, я менеджер терминала, — представилась Соня. — Вы хорошо видели аварию. — Хотя это было скорее утверждение, чем вопрос, мужчина кивнул. — Не могли бы вы рассказать сотрудникам авиационной ведомости, что вы видели?

Мужчина не ожидал такой просьбы, он выглядел удивлённым. Но это длилось недолго — он пожал плечами и снова кивнул. Соня жестом пригласила его следовать за ней и быстро пошла вперёд — у неё не было ни желания, ни времени продолжать разговор в какой-либо форме. К тому же мужчина без возражений согласился. Он тоже не пытался завести разговор и молча шёл за ней.

Когда Соня подошла к своему кабинету, ей вдруг вспомнилось, что меньше часа назад она стояла у окна в этом кабинете, беззаботно наблюдала за людьми, за ним тоже, и пила кофе. Она отогнала эту мысль и открыла дверь. Её недопитая чашка всё ещё стояла на подоконнике. Соня жестом

пригласила мужчину войти.

— Подождите здесь, пожалуйста. Как только сотрудники придут, я вас позову, хорошо? — быстро сказала она.

Мужчина остался стоять в дверном проёме. Он не оглядывался.

— Мне нужно ненадолго отойти, — сказал он.

— Хорошо, я оставлю кабинет открытым, — решила Соня.

Ей это было даже удобно — так не нужно было ничего объяснять или показывать. Он был достаточно взрослым и справится сам. Времени на объяснения у Сони всё равно уже не было — рация снова требовала её. Когда она, уходя, обернулась, мужчины уже не было. Соня пошла дальше. Примерно через минуту она о нём забыла.

Часы показывали половину десятого.

Глава 3

Уже начинало смеркаться, когда аэропорт робко начал возвращаться к более или менее упорядоченной жизни.

Сначала из самолёта извлекли погибших. Никто на борту не выжил, и врачи, срочно вызванные сразу после катастрофы из всех ближайших больниц, уже через час, подавленные, уехали обратно на многочисленных пустых машинах скорой помощи — помочь они никому не смогли. К этому времени уехали и все пожарные машины, выполнив свою

тяжёлую обязанность. Теперь оставались только следователи соответствующих служб, которые осторожно разбирали обломки разбившегося самолёта. Эти люди с жёсткими, непроницаемыми лицами были повсюду — у обломков, в диспетчерской вышке, в ангарах. Они разговаривали с каждым, чьё мнение считали важным, но старательно обходили стороной родственников погибших.

Живыми выглядели только поспешившие на место репортёры, которые, словно вороны, метались по залам в поисках кого-нибудь, с кем можно было бы поговорить о трагедии. Но у Сони — и, по-видимому, не только у неё — от одной мысли о разговоре с ними подступала тошнота, и, как и остальные, она избегала репортёров и ограждала от них родственников.

Погода менялась так, словно пыталась загладить катастрофу. Дождь прекратился вскоре после крушения. Теперь небо прояснилось, воздух стал ароматным — таким, каким он бывает в апреле после дождя.

Непосредственные последствия катастрофы уже не были заметны, если не всматриваться слишком пристально в лица людей. Но бедствие висело над аэропортом, как невидимый колокол. Эта атмосфера передавалась пассажирам, у которых были запланированы более поздние рейсы. Их отвозили автобусами в аэропорт Гамбурга. Многие уже слышали о катастрофе. Другие ничего о ней не знали, но их хорошее настроение исчезало уже через несколько минут пребывания в аэропорту. Они подавленно оглядывались, прежде чем сесть

в ожидающие автобусы. Чёрные катафалки, обычно незаметные, а теперь бросающиеся в глаза, начали увозить тела погибших.

†

Соня была смертельно уставшей. Из двух часов получились семь добровольной помощи родственникам. Психологов, конечно, было слишком мало, поэтому Соня решила остаться. Она старалась поддерживать людей, даже если это означало всего лишь держать кого-то за руку. Многие родственники к этому времени уже были забраны или увезены. Только двое нашли в себе силы самостоятельно покинуть аэропорт. Некоторые ещё беседовали с психологами и с уже прибывшими священниками. Всем им предстояла ещё жестокая процедура опознания погибших через несколько дней — к сожалению, не нашлось ни одного счастливого случая, который пропустил бы этот роковой рейс. Втайне на это до последнего надеялись все помощники, и все были разочарованы тем, что маленького чуда не произошло.

О самих помощниках никто не позаботился, их оставили наедине с их чувствами. Коллеги Сони постепенно разошлись, уставшие и измотанные. Она сама осталась, пока не оказалась одна в комнате, словно пропитанной страданием. Соня села в одно из кресел, откинулась назад и попыталась отключиться, хотя бы немного расслабиться, представляя себе большую чашку крепкого ароматного кофе.

— Госпожа Бауман?

Деловой голос прервал Соню как раз в тот момент, когда она уже собиралась встать и ей оставалось всего несколько секунд, чтобы отдать этот приказ своим мышцам. Она открыла глаза. Двое мужчин с серыми, осунувшимися лицами, следователи авиационной ведомости, смотрели на неё сверху вниз.

— Ваш начальник сказал нам, что у вас есть свидетель? — спросил старший.

Рот у Сони открылся, и прошла секунда, другая, прежде чем она подняла руку ко рту.

— О нет... я совсем про него забыла... — Соня посмотрела на часы. — Уже семь часов... Надеюсь, он ещё там. Если нет, я бы его не осуждала — я ведь совсем о нём не позаботилась. Если он ушёл, это моя вина. И, к сожалению, я даже не спросила ни его имени, ни адреса.

Она лишь объяснила, как произошла эта ошибка, не пытаясь оправдаться хаосом. Следователи это поняли. И по опыту они, вероятно, знали, насколько маловероятно, что свидетель смог бы сообщить что-то действительно полезное.

— Ничего страшного. Давайте просто проверим, — сказал старший.

Соня кивнула. Оба следователя были измотаны, и, похоже, хотели как можно быстрее всё закончить и поехать домой. Соня тоже этого хотела. И свидетель, вероятно, тоже — если он вообще ещё был там. Жестом пригласив следователей следовать за ней, Соня пошла вперёд. По дороге к каби-

нету она рассказала всё, что знала о свидетеле.

†

Её маленький кабинет был тёмным, а дверь широко распахнута. Свидетель, наверное, уже давно ушёл.

— Извините, — сказала Соня у двери кабинета и замедлила шаг.

Но затем она насторожилась и пошла быстрее — из тёмной комнаты тянуло сигаретным дымом. Соня вошла.

Внутри висели клубы никотинового дыма. Свидетель превратил банку из-под колы в пепельницу и поставил её рядом с коротким диваном, стоявшим в кабинете. Сам он лежал на нём неподвижно, заложив руки за голову, с открытыми глазами, и смотрел вверх, не моргая. Казалось, он даже не заметил, что кто-то вошёл. Раздражённая дымом, Соня включила свет. Свидетель рефлекторно зажмурился. В этот момент вошли следователи.

— Вы знаете, что это помещение для некурящих? — Соня попыталась подавить поднимающееся раздражение и указала на табличку на двери.

Не открывая глаз, свидетель выпрямился. Лишь когда он сел, он открыл глаза и, шурясь, посмотрел на двух следователей, затем перевёл взгляд на Соню. Это был совершенно безжизненный взгляд.

— Вы знаете, как долго вы заставили меня ждать? — спокойно спросил он в ответ.

В его голосе не было даже намёка на эмоцию — почти так,

будто говорил автомат.

Соня с трудом сдержалась. В сущности, он был прав.

— Ладно, извините, — сказала она. Свидетель остался неподвижен, и она указала на следователей. — Эти господа из авиационной ведомости, они хотят поговорить с вами о катастрофе.

Она подошла к окну и открыла его, чтобы хотя бы немного проветрить. Старший следователь приблизился к свидетелю и протянул ему руку.

— Бюрстнер, — представился он.

Свидетель встал и пожал ему руку.

— Свенссон, — без интонации назвал он своё имя.

Второй следователь сделал то же самое, что и его коллега.

— Ландман.

Свидетель повторил своё имя тем же безразличным тоном, каким уже отвечал Соне и Бюрстнеру.

Когда оба следователя сели за стол, Соне стало ясно, что она всё ещё не может уйти — теперь её кабинет заняли для допроса. Она устало вздохнула. Уже не имело значения, вернётся ли она домой на полчаса раньше или позже.

— Я могу вам что-нибудь принести? — спросила она мужчин.

— Да, кофе было бы хорошо, — благодарно ответил Бюрстнер, — чёрный, пожалуйста.

— Мне тоже, — сказал Ландман.

— Ничего, спасибо, — снова безучастно ответил

Свенссон.

Соня пошла за кофе. Когда она вернулась, трое мужчин уже сидели за столом: оба следователя с одной стороны, Свенссон напротив. Бюрстнер перебирал бумаги, Ландман рассеянно играл своей ручкой и смотрел мимо Свенссона в окно. Соня поставила напитки на стол. Следователи поблагодарили её. Соня лишь устало кивнула и села на диван. Для себя она тоже принесла большую чашку крепкого чёрного кофе.

Бюрстнер сделал большой глоток. Казалось, кофе придал ему сил. Он разложил бумаги, собрался с мыслями и прочистил горло.

Он был так же измотан, как и она — Соня это ясно видела. Бюрстнер с радостью обошёлся бы без очередного рассказа о том, что был хлопок и что все начали кричать. Но это была его работа. И это не займёт много времени — по сути, ровно на одну чашку кофе, затем они вежливо попрощаются, и Соня наконец сможет пойти домой.

— Ну что ж, господин Свенссон, — начал Бюрстнер, хоть и заметно устало, но подчеркнуто дружелюбно, — не могли бы вы рассказать нам, что вы видели?

Именно так Соня это себе и представляла. Свидетель сейчас начнёт мямлить — наверняка что-то совершенно несущественное. Бюрстнер, по-видимому, думал так же: он взял чашку кофе и пил более сосредоточенно, чем задал вопрос.

Свенссон посмотрел на него искоса, и Соня поняла, что

он угадал мысли Бюрстнера. Однако никак на это не отреагировал.

— Думаю, самолёт находился примерно на высоте восьмидесяти метров, когда его внезапно резко затормозило — почти до нуля, — без выражения глядя перед собой, монотонно и деловито произнёс Свенссон своим голосом автомата. — Он странно закачался, возможно, вошёл в режим «голландского шага», но здесь я могу ошибаться. Это длилось около трёх секунд, полагаю, самолёт попал в сдвиг ветра. Он почти вертикально ударился о землю. Крылья, шасси и хвост отломились, крылья загорелись.

К такому ответу следователи готовы не были. На мгновение они собрались с мыслями. Соня так же изумлённо замерла.

— Вы знаете, что такое «голландский шаг»? — выжидательно спросил Ландман.

— Да, — коротко ответил Свенссон.

На этот вызывающий тон ожидания он не отреагировал.

— И? Что это? — уточнил Ландман.

— Одновременные противофазные колебания по рысканью и крену, — без эмоций ответил Свенссон.

— Почему вы считаете, что Боинг попал в сдвиг ветра? — спросил Бюрстнер.

Его апатия исчезла, как и у Ландмана — теперь в нём чувствовался настоящий интерес.

— Незадолго до этого капли дождя били прямо в стекло

— горизонтально. А над полосой — вертикально, — начал Свенссон деловым тоном. — И, думаю, самолёт иначе никогда не упал бы под таким тупым углом. Он не рухнул из-за потери подъёмной силы — его швырнуло на землю. — Он на мгновение задумался. Оба следователя теперь хотели услышать всё, что он скажет, и терпеливо ждали продолжения. — Такое уже случалось — в США, в начале восьмидесятых. Боинг 727 — из-за сдвига ветра... — Свенссон ненадолго задумался. — И ещё в восемьдесят пятом, тоже в США, Локхид Трайстар — из-за крайне сильного вертикального нисходящего потока, правда, тогда при заходе на посадку. Но я не эксперт, я могу только предполагать. Вполне возможно, что я совершенно ошибаюсь и интерпретирую всё абсолютно неправильно, но мне это видится именно так. Самолёт действительно упал под очень крутым углом.

Словно сказав слишком много, он внезапно замолчал.

†

Это было лучшее показание, какое Бюрстнер когда-либо слышал от неспециалиста. Оно даже довольно точно совпадало с текущим ходом расследования. И как подано — деловито, обоснованно, без эмоций, даже без малейшего волнения. Ландман всё это время записывал в свой блокнот — он хорошо владел стенографией. Но с этим свидетелем что-то было совсем не так, было у Бюрстнера ощущение. Он захотел понять, что именно.

— Откуда вы всё это знаете, если вы не эксперт? — спро-

сил он.

— Хобби, всё это есть в книгах, — отсутствующе ответил Свенссон.

— Что, авиационные катастрофы? — удивился Бюрстнер. Ландман на мгновение оторвался от записей и снова опустил голову.

— Нет, военная авиация, — Свенссон говорил вежливо, но совершенно отрешённо. — Со временем подхватываешь кое-что из разных областей. Например, что у Боинга 737 топливные баки находятся в крыльях, поэтому фюзеляж не горел.

Такой человек был идеальным свидетелем. Бюрстнер слышал о людях, способных давать очень точное описание хода событий, но сам ещё никогда с такими не сталкивался. К тому же такие свидетели обладали весьма специфическими качествами, которых, на первый взгляд, у этого Свенссона не было — пилотом он быть не мог. Бюрстнер посмотрел на него с впечатлением.

— Вы мотогонщик, господин Свенссон?

— Нет, — едва заметно удивился тот. — Почему?

— У вас хорошая наблюдательность, вы отлично запомнили все детали и сделали правильные выводы.

Свенссон ничуть не почувствовал себя польщённым.

— У меня здесь было много времени, и я успел всё обдумать. А наблюдение и память можно тренировать.

Бюрстнер вспомнил, что рассказала ему Соня по дороге

сюда.

— Госпожа Бауман сказала, что вы часто сюда приезжаете?

Свенссон коротко посмотрел на Соню — так же без всякого выражения — и снова перевёл взгляд на Бюрстнера.

— Мне нравится звук двигателей и запах керосина, — неохотно объяснил он. — Когда я езжу на мотоцикле, то заезжаю сюда, так как до ближайшей военной базы довольно далеко.

Соне стало не по себе, потому что её втянули в разговор.

— В такую погоду вы ездите на мотоцикле? — всё же спросила она, удивлённо, как, по-видимому, и следователи.

— Нет, — коротко ответил Свенссон.

— Тогда зачем вы здесь? — вместо Сони поинтересовался Бюрстнер.

Свенссон посмотрел сквозь него пустым взглядом.

— Провожал свою семью в отпуск, — ответил он.

На мгновение Бюрстнер увидел, что глаза его собеседника полны боли. Затем Свенссон опустил взгляд и глубоко вздохнул.

— Семейю? — переспросил Бюрстнер.

— Да, семейю, — на мгновение в голосе Свенссона прозвучало раздражение. Затем он снова заговорил спокойнее. — Жену и дочь. Семейю.

— И куда они полетели?

Бюрстнер старался говорить дружелюбно. Свенссон морг-

нул, затем посмотрел на него, как на глупого ребёнка.

— Да никуда, — снова с раздражением ответил он. — Они тоже были в том самолёте.

У Бюрстнера отвисла челюсть, Ландман обмяк над блоком, Соня, широко раскрыв глаза, прижала руку ко рту, и тишина в комнате стала невыносимой.

Свенссон закурил сигарету. Совершенно спокойно — лишь его до этого абсолютно спокойные руки теперь слегка дрожали.

Бюрстнер посмотрел ему в глаза. Они были — мёртвые. *Вот что с ним не так*, мелькнуло у Бюрстнера в голове.

— Почему вы мне сразу не сказали? — сдавленно прошептала Соня.

Свенссон наполовину повернул к ней голову.

— И зачем? — спросил он.

— Чтобы о вас позаботились... — беспомощно пробормотала Соня. — Вы должны были мне сказать...

— Вы очень быстро спланировали меня в этот кабинет и не дали мне времени вообще что-то вам сказать. Вы умеете говорить быстро и довольно настойчиво, — холодно ответил Свенссон, но без всякого оттенка сарказма или раздражения.

Для него, похоже, на этом вопрос был закрыт. Он снова перевёл взгляд на следователей.

Ландман вышел из кабинета чтобы позвонить.

— Свенссон, Лиза и Мишель, — сказал он, когда вернулся, и посмотрел на Свенссона. — Места 5д и 5е. Вы Марк

Свенссон, верно? — Свенссон, пока Ландмана не было, сидел, слегка опустив голову. Он немного поднял её, быстро вдохнул и кивнул. — Вас не было в нашем списке. Мы не могли с вами связаться.

— Забыл телефон дома, — сказал Свенссон. — Вы уже говорили с родителями Лизы?

Ландман покачал головой.

— Нет. С ними мы не были уверены — в телефонной книге несколько человек с девичьей фамилией вашей жены, а у нас было не так много времени. Сделать это сейчас?

— Нет, — ответил Свенссон, — я сам.

— Вам следовало объявиться, — сказал Бюрстнер.

Это должно было прозвучать как упрёк, но его голос был полон сочувствия.

— Я знал, что вы рано или поздно ко мне придёте, — ответил Свенссон и равнодушно пожал плечами. — Теперь можно без спешки и истерики сделать всё, что нужно. Так лучше.

— Мы не будем вас больше задерживать, — после короткой паузы холодно и отстранённо сказал Ландман. — Вам нужно лишь уладить здесь кое-что с соответствующими службами. Это не займёт много времени, затем вас отвезут домой, если хотите. — Он ненадолго замолчал. — Завтра или послезавтра вам придётся опознать ваших близких. Тела будут доставлены в одну из ближайших больниц.

Он посмотрел на Свенссона. Большинство людей хотя бы вздрагивали от таких слов. Свенссон — нет.

— Моя жена и дочь ещё здесь или уже увезены? — лишь спросил он.

— Насколько я знаю, ещё здесь, — удивлённо ответил Ландман, — но зачем вам это знать? Вы сможете, как я сказал, завтра...

— Нет. — Свенссон покачал головой, его голос стал жёстким. — Если они здесь, я проведу все необходимые процедуры здесь и сразу.

— Но...

Свенссон прервал его жестом руки.

— Я всегда стараюсь закончить всё как можно быстрее. Так проще всего, — твёрдо сказал он.

Следователи переглянулись. Через мгновение Бюрстнер кивнул в знак согласия. Ландман снова вышел, на ходу доставая телефон из кармана. Соня смотрела на затылок Свенссона.

У этого типа, похоже, нервы были как стальные тросы. Или их не было вовсе.

— Скажите, вас вся эта ситуация совсем не трогает? — задал Бюрстнер вопрос, который почти физически висел в воздухе.

Свенссон слегка прищурился и немного подался вперёд над столом. Его дыхание стало поверхностнее, он холодно посмотрел на следователя.

— Вы из какого ведомства? — прошипел он сквозь сжатые зубы.

Поворот был неожиданным.

— Федеральное бюро по расследованию авиационных происшествий, — растерянно ответил Бюрстнер.

Свенссон ещё несколько секунд смотрел на него, затем заметно взял себя в руки и откинулся назад.

— Именно. — Его тон изменился, в нём появилась едва заметная ирония. — Тогда какое вам до этого дело? — Он решительно посмотрел на Бюрстнера, затем на Ландмана. — Можем продолжить? — Его голос снова стал абсолютно спокойным и безэмоциональным. — Пожалуйста.

— Да. — Бюрстнер поднялся. — Просто... вы ведёте себя в таких обстоятельствах не... — он искал другое слово, «нормально» казалось ему неуместным, — не так, как обычно, понимаете, — примирительно сказал он.

Свенссон тоже встал и чуть скривил губы. Но на этот раз его сарказм не проявился, и на мгновение он выглядел несчастным.

— В смысле? Вам было бы лучше, если бы я катался по полу с криками, рвал на себе волосы и проклинал судьбу? — Он снова взял себя в руки. — Это было бы глупо.

†

Никто на это ничего не ответил. Они вышли наружу и направились по служебной территории к одному из ангаров. Все по-прежнему молчали.

Соня пошла с ними, хотя теперь могла бы уйти домой. Этот поворот в истории со Свенссоном так её задел, что она

не могла уйти, пока всё здесь не закончится. Ни один из следователей не стал ей препятствовать. Свенссону, похоже, было совершенно всё равно, идёт она с ними или нет.

В ангаре слева от того, куда были доставлены обломки самолёта, примерно две трети пространства были наспех отгорожены брезентом. Мужчины с измождёнными лицами выносили чёрные мешки с телами к машинам, ожидавшим снаружи.

Бюрстнер, шедший впереди, остановился перед брезентом, приспособленным под дверь, и приподнял его. Свенссон замедлил шаг.

— Они изуродованы? — глухо спросил он.

Ландман покачал головой. Свенссон собрался, слегка склонил голову и прошёл внутрь. Соня увидела за брезентом ещё больше мешков с телами и отвернулась. Бюрстнер и Ландман последовали за Свенссоном.

Звук брезента, когда он хлопнул о стойку за их спинами, прозвучал как коварный выстрел.

†

Не прошло и трёх минут, как Свенссон снова вышел. Он посмотрел в сторону Сони, и она вздрогнула. Она была уверена, что он её вовсе не увидел, не заметил. Ничто в нём больше не напоминало собранного человека, каким он был прежде.

Он шатаясь прошёл мимо Сони, его ноги, казалось, больше не держали его. Дойдя до противоположной стены, он вы-

тянул левую руку и опёрся о её шершавую поверхность. Он опустил голову, и Соня увидела, как его плечи быстро поднимаются и опускаются от дыхания. Вдруг Свенссон размахнулся правой рукой и со всей силы ударил кулаком по стене. Через мгновение он ударил ещё раз, затем опустил руку, всё ещё сжатую в кулак. Костяшки были разбиты, кровь капала на пол, но, казалось, он этого не замечал.

Соня дрожащими руками вытащила платок из нагрудного кармана пиджака и подошла к Свенссону. Он прислонился лбом к стене и закрыл глаза. Когда Соня приблизилась, она увидела, как под кожей движутся его жевательные мышцы.

— Вот... — сказала Соня и протянула ему платок.

Свенссон открыл глаза, медленно оторвал лоб от стены и посмотрел на Соню непонимающим взглядом. Его взгляд был затуманен, рот приоткрылся, словно он хотел кричать и не мог. Через несколько секунд его глаза снова прояснились, он закрыл рот и посмотрел на свою руку. На полу уже образовалась небольшая лужица крови. Свенссон замешкался, будто не хотел испачкать платок.

— Можете оставить его себе, — поспешно сказала Соня.

— Спасибо, — хрипло произнёс он, взял платок и обмотал им руку.

Он сделал это быстро, умело, и теперь, казалось, снова полностью овладел собой. Не сказав ни слова, Свенссон вернулся к импровизированной двери из брезента.

В этот момент вышел Ландман.

— Хотите продолжить? — деловито спросил он.

Соне показалось, что тон следователя стал даже холодным и отстранённым. Свенссон лишь кивнул.

— Тогда вам нужно уладить ещё некоторые формальности. Вы должны решить, как поступить с телами ваших близких и с их личными вещами. Или с тем, что от них осталось. — Несмотря на свою холодность, Ландману эти слова давались явно тяжело. — И вам ещё нужно поговорить с психологом, — добавил он.

— Я подпишу и решу, — спокойно сказал Свенссон. — Но психолог мне не нужен.

Соня посмотрела на него. *Его глаза*, подумала она, *не просто пустые — они мёртвые.*

Бюрстнер, который к этому времени подошёл, так же холодно вмешался в разговор.

— Это предписание, — сказал он сухо, — мы должны убедиться, что после такого...

— Чепуха, — перебил его Свенссон.

— Простите? — удивился Бюрстнер.

— Покажите мне это предписание, — потребовал Свенссон.

Это должно было прозвучать насмешливо. Но, как показалось Соне, не прозвучало — лишь напряжённо.

Бюрстнер вздохнул и сменил тактику.

— Хорошо, сделайте это ради нас, чтобы...

— Вы могли спокойно спать? — снова перебил его

Свенссон и посмотрел на него с насмешкой. — Или что?

— Нет, — раздражённо прошипел Бюрстнер. — Чтобы, если с вами что-то случится, мы за это не отвечали.

— Тогда будет виноват психолог, — сказал Свенссон. Бюрстнер хотел возразить, но он его опередил. — Я ничего с собой не сделаю, — вдруг устало добавил он. Бюрстнер всё ещё собирался возразить. — Ну ладно, — неожиданно уступил Свенссон. — Но тогда быстро, пожалуйста.

Бюрстнер кивнул Ландману, и тот повернулся к Свенссону.

— Пойдёмте, — холодно сказал он.

Они ушли. Бюрстнер остался рядом с Соней и посмотрел вслед Свенссону.

— Да, — мрачно пробормотал он, — этот, похоже, действительно ничего с собой не сделает.

Соня удивлённо посмотрела на него. Через мгновение он заметил её взгляд.

— Такого я ещё не видел. Некоторые люди реагируют как Свенссон, — начал следователь, — они полностью закрываются, словно ничего не чувствуют, но это никогда не так. А он... Он заходит внутрь. Видит тела. Скользит по ним взглядом, как будто считывает время с часов. «Моя жена», — говорит он сотруднику внутри и указывает пальцем на тело, — «и моя дочь. Этого достаточно?» Дословно. Сотрудник только кивает, и Свенссон выходит. — Бюрстнер передёрнул плечами. — Понимаете, каждый, кто теряет близких, даже

самый жёсткий, рано или поздно показывает реакцию. Даже такие начинают плакать или всхлипывают, или хотя бы задерживают дыхание, бледнеют. Некоторые часами смотрят на своих близких. А Свенссон — нет.

— Может быть, он не хотел запомнить их такими — мёртвыми, — задумчиво сказала Соня.

— Да, возможно, — неохотно согласился Бюрстнер. — Его жена была очень красивой. И девочка тоже. Ей было пять лет, и она была красива, как ангелочек. И всё же, — Бюрстнер презрительно фыркнул, — он заходит туда без малейшего проявления чувств, — он сделал пренебрежительный жест рукой, — и выходит обратно.

Соня покачала головой и рассказала ему, что только что произошло.

— Вот херня... — тихо сказал Бюрстнер, внезапно подавленный.

†

Ландман сначала проводил Свенссона в другой конец ангара, где тот должен был опознать багаж. Затем Ландман отвёл его к судебному медику, с которым Свенссон должен был уладить вопросы, касающиеся останков его семьи.

Свенссон выполнял всё деловито и спокойно, тем же абсолютно безэмоциональным образом, как и всё остальное до этого.

Ландман больше не мог на это смотреть — при первой же возможности он передал Свенссона сотруднику аэропорта и

ушёл. По какой-то причине он злился на Свенссона, потому что тот был как бетонный блок. Ландман пошёл искать психолога. Они все были так же выгоревшими, как и он сам, но, возможно, кто-то из них сумеет достучаться до Свенссона.

Глава 4

Дирк Винкер был совершенно измотан и одновременно сильно взвинчен. Это было его первое самостоятельное участие в работе психолога при катастрофе. И сразу — авиакатастрофа и столько погибших. Мысль о том, что он может точно перечислить количество своих прежних выездов, в которых участвовал вместе с наставником, болезненно давала о себе знать. Это означало, что он всё ещё был очень неопытным новичком.

Винкер специализировался в области человеческого поведения в условиях стресса. Его знания были пока почти исключительно академическими — ему не хватало практического опыта. Поэтому в свои тридцать лет он считался лишь очень хорошим теоретиком. На выездах, в которых он до сих пор участвовал, он в большинстве случаев чувствовал, что не смог облегчить людям их страдания настолько, насколько мог бы — при том, что тогда это было даже близко не так тяжело, как здесь. С другой стороны, сегодня всё прошло значительно лучше, чем он ожидал. Масштаб катастрофы был настолько огромен, что он справился даже со своим

ограниченным опытом. Люди, с которыми он работал, были подавлены болью. Им прежде всего нужна была опора, кто-то, кто разделит бы с ними их страдание; им ещё не требовалась проработка, им нужен был лишь поддержка и участие — боль была просто невообразимо велика. Дальнейшую терапию позже возьмут на себя коллеги в клиниках и больницах на местах.

Но если Винкер честно задумывался об этом, он должен был признать, что и сегодня ему не хватало опыта, а потому и времени на размышления. Знания из книг нельзя было применять универсально — это была лишь основа. Значительную часть работы психолога составляет опыт, и именно его Винкеру не хватало. Тем не менее мысль о том, что он помог людям в беде и смог облегчить их боль, наполняла Дирка Винкера чувством удовлетворения. Сегодня он чувствовал себя гораздо лучше и увереннее, чем на прежних выездах.

†

Винкер как раз собирался взять ещё один кофейник в буфете, когда увидел, как по коридору к нему идёт Ландман. Винкер сразу понял, что нашли ещё одного из списка родственников. Вопрос был в том, придётся ли ему ехать к этому человеку или находится тот находится здесь.

— Ну, кого вы ещё для меня нашли? — спросил он с наигранной бодростью.

— Последний в списке. Тот ещё тип, — Ландман покачал головой. Винкер внимательно посмотрел на него. Ландман

выглядел измятым, словно раздавленным. И раздражённым. — Потерял жену и дочь. Прождал больше семи часов, сначала думали, что он просто свидетель. Даёт точное описание катастрофы — и ещё обосновывает его, потому что интересуется авиацией. Между делом вскользь замечает, что его семья была в самолёте. Хотел прямо здесь провести опознание и всё остальное — чтобы с этим было покончено. Это было жутко. — Ландман не скрывал своей неприязни к Свенссону, пусть и смешанной с сочувствием. — Эй, — это было уже Бюрстнеру, который подошёл и услышал последние слова. — На опознание у него ушло... — Ландман посмотрел на коллегу. — Сколько, пятнадцать секунд? — Бюрстнер кивнул. — Потом вышел — оформлять формальности. К вам идти не хотел. Ну, мы его... скажем так, уговорили. — Ландман криво усмехнулся. — И всё это время — как камень. Голос спокойный, уверенный, почти никаких эмоций, руки дрогнули всего один раз — и то едва заметно. — Ландман вздохнул. — В общем, бывает, что люди так переживают шок, но у Свенссона, такое ощущение, вместо сердца камень.

Винкер слушал с удивлением. Его инстинкт подсказывал, что рассказ Ландмана ещё не полный. И где-то глубоко внутри Винкеру стало не по себе от того, чем всё это может закончиться. Но Ландман уже закончил. Винкер хотел было сразу спросить, как тот оценивает Свенссона, но заговорил Бюрстнер.

— Ты этого не видел, — сказал он, — и я тоже. Но эта

Соня Бауман... Когда Свенссон вышел из морга, он разбил себе руку о стену до крови.

Он пересказал то, что рассказала ему Соня. Он говорил с сожалением, а не с пренебрежением, как его коллега до этого. Винкер посмотрел на Ландмана.

— Вот блин... — сказал тот. Это прозвучало так, словно ему дали сильную пощёчину. — Лучше бы он кричал, — добавил он задумчиво.

— Да, — сказал Бюрстнер. — Я подумал то же самое.

Винкер непонимающе посмотрел на них. Ландман, который, похоже, только что полностью пересмотрел своё мнение о Свенссоне, заметил это.

— Мы раньше спросили Свенссона, всё ли ему безразлично, — объяснил он. — А он только спросил в ответ, было бы нам лучше, если бы он с криками катался по полу.

Следователи погрузились в тяжёлое молчание.

Винкер задумался. Его представление о Свенссоне, сначала довольно чёткое — как о человеке, мужественно переносящем страдание, — после слов Бюрстнера о разбитой руке превратилось почти в один сплошной вопросительный знак. Винкер привык прислушиваться к оценкам таких людей — сотрудников полиции и пожарных. Такие опытные люди хорошо разбирались в людях, даже не будучи психологами. Но сейчас даже эти закалённые профессионалы, повидавшие много страданий, были в растерянности. И наставника рядом не было, не у кого было спросить совета.

Он всё ещё напряжённо размышлял, когда Бюрстнер снова заговорил.

— Вон идёт Свенссон, — сказал он.

Винкер посмотрел направо. Сотрудница аэропорта показала мужчине рядом с собой на Винкера. Тот кивнул. Она повернулась и пошла обратно, а он без колебаний направился к Винкеру.

Когда он приблизился, Винкер отбросил свои зарождающиеся стратегии — все они показались ему бессмысленными. Примерно так он всегда представлял себе зомби.

Свенссон молча остановился перед ними и не сказал ни слова. Винкер прочистил горло. Свенссон не отреагировал, он продолжал молчать. Винкер почувствовал, что чем дольше он тянет, тем больше теряет уверенность в себе.

— Пойдём? — спросил он. — Свенссон кивнул, и Винкер указал на открытую дверь. — В эту комнату, пожалуйста.

Свенссон посмотрел на следователей.

— До свидания, — безучастно сказал он.

Не дожидаясь ответа, он вошёл в комнату.

— Мы ещё свяжемся в ближайшие дни, — быстро попрощался Винкер с следователями. — До свидания.

— Да, — сказал Бюрстнер.

Винкер поспешил в комнату. Перед тем как закрыть дверь, он обернулся. Оба следователя всё ещё молча стояли и смотрели ему вслед. Чуть поодаль стояла Соня Бауман, скрестив руки на груди. Винкер сегодня тоже с ней работал.

Он кивнул ей, вошёл и закрыл за собой дверь.

†

Свенссон уже сидел за столом. Он выглядел немного напряжённым, но не нервным.

Для человека в его положении он выглядит действительно очень собранным и спокойным, подумал Винкер. Он поставил кофейник в угол и обошёл стол. Свенссон следил за ним взглядом, но без всякого интереса. Винкер протянул ему руку. Свенссон назвал своё имя, совершенно без выражения, и пожал Винкеру руку — левой. Правую он всё время держал в кармане куртки. Тем не менее его рукопожатие было крепким.

— Как вы себя чувствуете, господин Свенссон? — ещё произнося эти слова, Винкер понял, что эта формальность здесь, мягко говоря, неуместна.

Свенссон посмотрел на него.

— Что за дурацкий вопрос, — спокойно констатировал он.

Его голос показался Винкеру записанным на плёнку.

— Да, извините, вы правы...

Едва произнеся это, Винкер снова мысленно упрекнул себя. Сначала он забыл правило — начинать с нейтральных вещей, в крайнем случае спросить, что человек хочет выпить. Теперь он ещё и признал свою ошибку, а этого в такой ситуации делать не следовало — здесь он должен был быть сильным, опорой. Винкер потерял нить. Молчание стало да-

влящим. Когда заговорил Свенссон, это было так, словно он спас Винкера от этой немоты.

— Я хочу курить, — сказал Свенссон.

Это не был ни вопрос, ни просьба — просто равнодушное констатирование факта.

Винкер решил, что нашёл возможность обозначить свою позицию. Он молча указал на датчик дыма на потолке. Свенссон коротко взглянул туда.

— Эта модель рассчитана на большие объёмы дыма при пожаре, — небрежно сказал он. — С одной сигаретой справится.

— Это помещение для некурящих, — как можно твёрже ответил Винкер.

— Мне всё равно, — поставил его в известность Свенссон.

Это прозвучало не пренебрежительно, а просто отчуждённо. Винкер понял, что Свенссону безразличен и он сам, и вся эта ситуация — он воспринимает это лишь как помеху. Винкер не хотел с ним состязаться. Этому человеку действительно было всё равно.

В обычной жизни он, наверное, другой, подумал Винкер, вежливый, считающийся с другими. Но сейчас — нет. Своё возражение только что, с помощью которого Винкер попытался обозначить себя ведущим в разговоре, было очередной ошибкой — уже третьей за несколько минут. Но что он должен был сказать? Попросить сигарету? Можно позвать

плечами, но не спорить, снова упрекнул себя Винкер. Он загнал себя в позицию, в которой как помощник не должен был оказываться. Он решил всё же придерживаться выбранной линии, чтобы не потерять ещё больше почвы под ногами.

— Здесь нет пепельницы, — сказал он.

Ожидает ли Свенссон, что он принесёт её? Или будет стряхивать пепел на пол?

Свенссон коротко посмотрел на него и едва заметно усмехнулся. Он взял один из стаканов на столе, наполненных водой, и быстро выпил его. *Сколько же времени он не ел и не пил*, подумал Винкер, *ему явно нехорошо*. Свенссон поставил стакан и закурил сигарету.

†

Винкер вдруг с уверенностью понял, что напротив него сидит не человек, которому нужна помощь, а противник, который чего-то хочет — и сам это определил. Но в данный момент Винкер даже отдалённо не понимал, что это может быть. Ему казалось, будто он уже потерял несколько фигур в шахматной партии, которая ещё толком не началась. Винкер инстинктивно чувствовал, что человек напротив страдает так, как он не мог себе даже представить. Он также понимал, что тот не даст ему ни малейшего шанса помочь. Но он всё равно должен был попытаться.

— Вы чувствуете боль, господин Свенссон? — задал он вопрос поэтому прямо.

Ответ Свенссона был коротким и столь же прямолиней-

НЫМ.

— Нет.

— Что вы тогда чувствуете? — удивлённо спросил Винкер.

— Ничего, — последовал ответ тем же тоном.

— Правда? Совсем ничего?

— Да.

Посмотрим, выдержит ли он жёсткость, подумал Винкер, уже немного раздражённо.

— Вы разве не любили свою жену? — с удивлением спросил он.

Свенссон бросил окурок в стакан.

— Что значит — «любили»? — спросил он в ответ. — Я её люблю.

Его собранный, равнодушный тон не изменился и сейчас.

— Вы даже не злитесь? — спросил Винкер, сбитый с толку. Свенссон лишь вопросительно приподнял брови. — Что её у вас отняли? — уточнил Винкер.

— На кого мне за это злиться? — спросил Свенссон.

— На судьбу? Или на Бога?

— А почему на Бога? — поинтересовался Свенссон, словно выжидая.

— Потому что Он это допустил, — отчаянно попытался Винкер дать этому человеку хоть какую-то возможность разозлиться и выплеснуть эмоции.

Но глаза Свенссона лишь злобно блеснули.

— А что, если Он допускает что-то хорошее?

Хотя он по-прежнему говорил совершенно безэмоционально, этот вопрос прозвучал насмешливо, почти язвительно. Винкер не был уверен, кому адресована эта насмешка. Скорее всего — ему.

— Простите? — осторожно спросил он.

— Если Бог допускает хорошее, — начал Свенссон, — вы благодарите Его за это?

— Что вы имеете в виду? — оторопело спросил Винкер.

В тот же момент ему пришло в голову, что вообще-то вопросы здесь должен задавать он — в этом он был уверен.

— Я же ясно спрашиваю. Когда всё рушится, все кричат к Богу. А когда всё хорошо — никто о Нём не думает, — сказал Свенссон. — И — чем помогает злиться на Всемогущего?

Винкер не понимал. Этот человек вообще хотел страдать или нет?

— Вы верите в Бога? — растерянно спросил он.

— Моя жена верила, — ответил Свенссон.

— А вы?

— Я только догадываюсь. И какое это имеет значение?

— Разве никакого?

Свенссон прямо посмотрел на Винкера.

— Оставьте психологические трюки, — сказал он тоном предупреждения.

Винкер почувствовал себя неуютно под его взглядом и от-

вёл глаза.

— Какие трюки?

— Эти.

— Я не понимаю, о чём вы.

— Понимаете, — заявил Свенссон. — Вас учили отвечать на вопрос встречным вопросом.

— Но вы делаете то же самое, — возразил Винкер.

— Это вас сбивает с толку? — тут же спросил Свенссон.

Это прозвучало не просто как насмешка — это было фактом. Винкер растерялся. У него не было плана, ему нужно было выиграть время. Тогда он понял, что обычными методами к Свенссону не подступиться, и изменил тактику.

— Да, — откровенно признал Винкер. — Но это не трюк. Так мы пытаемся узнать что-то о людях. Чтобы их понять, — добавил он.

— Зачем вы хотите меня понять? — поинтересовался Свенссон.

— Чтобы помочь вам.

— В чём это? Разозлиться на Бога? — Свенссон скривил губы. — Вы серьёзно?

— Нет конечно, нет, но... — Винкер выпрямился. — Я хочу помочь вам справиться с вашей утратой.

Взгляд Свенссона, устремлённый прямо ему в глаза, стал неприятно пронзительным.

— Это моя утрата, — тихо, но окончательно сказал он. — С чего вы взяли право решать, что я должен с ней спра-

виться?

— Господин Свенссон, — Винкер попытался придать своему тону смесь сочувствия, уважения и убеждённости, — я понимаю, но...

Он замолчал, встретившись взглядом со Свенссоном.

— Правда? И как погибла ваша семья? — спросил тот.

Винкеру показалось, будто он выкрикнул этот вопрос с яростью, хотя тот говорил совершенно спокойно и тихо. Только лицо у него было злым.

— У меня нет семьи, но какое это имеет значение? — ответил Винкер. — Моя обязанность — помогать вам, — попытался он изменить ход разговора.

— Ваша обязанность? — в голосе Свенссона прозвучал явный сарказм, но сам он снова выглядел спокойнее. — Перед кем? И почему?

— Перед вами. Потому что вы человек — и вы страдаете. — И?

Голос Свенссона был без выражения.

— Ваша жена только что погибла! — резко сказал Винкер. Свенссон продолжал молчать. — Меня это трогает, — предпринял Винкер последнюю попытку, — а вас — нет? — он смотрел на него с недоумением. — Совсем?

— Да, она мертва, и моя дочь тоже мертва, — Свенссон заговорил немного быстрее, словно теряя терпение, — я жив. И что?

— Для вас это так просто?

— Да, — коротко ответил Свенссон.

— Почему?

— Что изменится, если я буду корчиться от боли? — устало спросил Свенссон. — Они от этого не оживут.

— Вы бы предпочли умереть вместо них?

— Нет.

— Нет?

Даже не это? удивился Винкер.

— Умереть за кого-то несложно, а вот жить ради него — сложнее. Что бы изменилось, если бы умер я, а не они? Они бы страдали вдвоём. — Свенссон выдохнул. — Нам всем следовало умереть, — тихо добавил он.

Винкер заметил, что тот пожалел о сказанном. Неужели я всё-таки его задел? — воодушевлённо подумал он.

— У вас есть чувство вины? — настойчиво спросил он.

— Потому что я отправил их одних в отпуск? — спросил в ответ Свенссон. — А сам остался? Потому что они мертвы, а я жив?

Винкер решил, что нащупал нужное место, и полностью проигнорировал скрытую провокацию.

— Да, именно это, — поспешно согласился он. Из-за собственного давления он неверно истолковал молчание Свенссона. — Это не ваша вина!

— У меня нет чувства вины, — спокойно ответил Свенссон, и его глаза почти насмешливо блеснули. — Я просто хотел подарить своей семье неделю отпуска.

Он на мгновение замолчал, его лицо исказилось. *Если бы это не выглядело так нелепо, можно было бы принять это за улыбку*, подумал Винкер.

— А вы, доктор, — холодно и снисходительно продолжил Свенссон, — перегибаете палку, стараясь всё делать строго по учебнику. Вообще-то сначала вы должны убедиться, что у меня есть чувство вины, а не просто спрашивать. И только потом пытаться его смягчить.

Этот живой мертвец насмеялся над ним. Ситуация полностью вышла у Винкера из-под контроля.

— Тогда скажите мне сами, как я могу вам помочь, — предложил он Свенссону.

Это должно было прозвучать провокационно, но и это у Винкера не получилось — прозвучало лишь беспомощно. Свенссон, несомненно, это заметил.

— Вы решаете, когда я могу идти домой, или как это вообще происходит? — спросил он.

— Ну... — Винкер замялся. Вот, значит, в чём было дело. Свенссон просто не понял смысла разговора с психологом, поэтому и участвовал в нём, а теперь разобрался, что всё это ему не нужно. — Я не могу вам ничего предписывать, только дать совет или рекомендацию. Например, как вам лучше добраться домой или к кому вы сможете обратиться позже...

Свенссон не дал ему договорить и поднялся.

— До свидания, господин доктор.

— Вам даже совсем не больно? Или хотя бы не жаль? —

настойчиво спросил Винкер.

Свенссон наклонился к нему и посмотрел прямо в глаза.

— Вы хоть и неопытны, но не глупы — так к чему всё это? Это случилось. Я ничего не могу изменить. И вы тем более. Мы закончили.

Теперь Винкер точно знал, что проиграл этому человеку. Но он выбрал свою профессию, чтобы помогать и таким людям.

— Это вас разрушит! — предпринял он последнюю попытку достучаться до него. — Свенссон молча выпрямился и направился к двери. Винкер вскочил со стула. — Господин Свенссон! — крикнул он. — Вы же уже разбили себе руку!

Свенссон остановился и рефлекторно вытащил руку из кармана. На полпути он замер, бросил через плечо взгляд на Винкера.

— Тогда к чему был последний вопрос? — спросил он, выходя.

†

Он не посмотрел ни на Ландмана с Бюрстнером, ни на Сою — просто ушёл. Когда он исчез, они подошли к Винкеру. Психолог всё ещё стоял у стола, опираясь на руки и опустив голову. Он лишь устало посмотрел на них.

— Ну как? — спросил Бюрстнер.

Винкер покачал головой.

— В книгах описано много случаев ПТСР, но такого — ни одного.

— ПТСР? — переспросила Соня.

— Посттравматическое стрессовое расстройство, — пояснил Винкер. — Свенссон не как камень — он им стал. У него больше ничего не осталось, он как будто мёртв. Если он не найдёт опору в жизни, он сломается под тяжестью своей боли. Я ничем не смог ему помочь. — Винкер глубоко вздохнул. — Я не хочу стать таким, как он.

Глава 5

Свенссон вышел из здания аэропорта и направился к парковке. Ещё не было и девяти вечера, но мир снаружи, за пределами яркого освещения аэропорта, казался ему старым и серым.

Под стеклоочистителем его машины был зажат штрафной талон за превышение времени стоянки. Для кратковременной парковки он действительно находился здесь слишком долго. Он вытащил талон из-под дворника, открыл машину и опустился на сиденье. На мгновение он замер. Ком в горле мешал дышать и не проходил. Свенссон встряхнулся. Он заметил, что всё ещё держит талон в руке. Бросил его на пассажирское сиденье, и при этом его взгляд упал на правую руку. Повязка была в крови, но кровь уже засохла.

Свенссон сорвал повязку и с наслаждением почувствовал боль — потому что мог её чувствовать. Через несколько секунд рана снова начала кровоточить. Свенссон снова обмо-

тал руку тканью и поехал.

На автобане его одолела усталость. Он вёл машину и переключал передачи как автомат. Он старался не думать. Самое страшное было ещё впереди.

†

Он испытал облегчение, когда увидел, что машины его отца не было перед домом. Но остатки напряжения исчезли лишь тогда, когда он убедился, что ни родителей, ни сестры дома нет. Свенссон удивился. Обычно он стремился как можно быстрее довести любое дело до конца, но на этот раз был рад отсрочке. Он сел в кресло в гостиной. Спустя несколько мгновений он перестал воспринимать окружающее.

Это было как в кабинете в аэропорту. Перед его глазами снова возникли картины падающего самолёта, и он заново переживал катастрофу. Капли на стёклах. Самолёт качается. Свенссон видел, как тот в замедленном движении врезается в землю. Крылья отрываются, огонь.

Он был благодарен за то, что фюзеляж почти не горел. Но не это мучило его — те, кого он любил, к тому моменту уже были мертвы.

Мучительной была мысль о жене. Что она чувствовала в своё последнее мгновение? А его дочь? Успела ли она, после криков других пассажиров, повернуть глаза к матери, увидеть её успокаивающую улыбку? Успела ли его жена взять свою маленькую дочь за руку? О чём она думала, когда ви-

дела, как её ребёнок умирает рядом с ней? Было ли у неё время подумать о нём? Помолиться за него, того, кто остался? Впрочем, это уже не имело значения. Свенссон глубоко вздохнул.

Бог, в Которого она так непоколебимо верила, Он, должно быть, дал его жене силы достойно умереть вместе с их дочерью.

Свенссон смотрел невидящими глазами в стену. Ему казалось, будто он видит Лизу, как она держит Мишель за руку, а та лукаво улыбается ему, слегка склонив голову набок, с плюшевой собачкой под мышкой, и машет ему рукой.

†

— Ма-арк! Сын, ты спишь?

Слова звучали, как сквозь плотную пелену. Свенссон поднял глаза. В комнате горел свет. Отец наклонился к нему и слегка потряс его.

— Я думал, ты к обеду придёшь, и мы поболтаем немного.

Свенссон видел, что отец обижен, хотя говорил он лёгким, почти весёлым тоном.

— И даже не предупредил, не берёшь трубку.

— Забыл телефон дома, — пробормотал Свенссон, немного помедлив.

В комнату вошла мать.

— Марк, я сварила макароны, а тебя всё нет и нет. Мы потом поехали к бабушке на кофе. Ты хоть ел? — Свенссон покачал головой. — Ну, я сейчас разогрею, — сказала мать

и обняла его. — Ты их хорошо проводил?

Свенссон услышал, как его сестра в прихожей, напевая, расшнуровывает сапоги. Его семья ещё ничего не знала.

— Вы слышали про авиакатастрофу? — спросил он, поднимаясь. — Отец кивнул, потом его глаза расширились. Мать замерла в движении. В её глазах сначала мелькнуло понимание, которое тут же сменилось дикой надеждой. Свенссон напрягся, ожидая того, что сейчас произойдёт. — Лиза и Мишель погибли.

— Сын...

Отчаяние матери ударило его, как в живот. В следующий миг её голос так же отказал, как и ноги — она опустилась перед ним на пол, по её лицу потекли слёзы. Это был тот момент, которого Свенссон боялся больше всего. Он посмотрел на отца. Тот стоял спокойно и бледно, лишь уголки губ непроизвольно подёргивались.

— Что... — пробормотала мать, умоляюще глядя на него.

Почему, подумал Свенссон. Я должен её утешить? Как?

— Нет! — Сестра, споткнувшись, вбежала в комнату. — О Боже, нет, нет... — простонала она. — Марк... — Она выглядела растерянной и разбитой. — Мне... так... жаль...

— Да, Ханна, — сказал Свенссон, — я знаю.

Он снова посмотрел на отца — сил больше не было. Отец понял его без слов. Он поднял жену, твёрдо посмотрел на дочь и увёл обеих на кухню. Свенссон опустился обратно в кресло, но глаза больше не закрывал. Через несколько мгно-

вений отец вернулся и закрыл дверь. Он посмотрел Свенссону в глаза.

— Что мне делать? — спросил он ровно.

— Займись мамой, — ответил Свенссон. — Держи её подалеже от меня.

— Хорошо.

— Спасибо, па.

— Я возьму отпуск.

— Хорошо, — с благодарностью сказал Свенссон.

— А ты?

— Мне нужно кое-что уладить.

Они молча посмотрели друг на друга. Затем отец неловко обнял его.

— Твоя рука, — тихо сказал он.

— Ничего серьёзного, па.

— Я люблю тебя, сын.

Свенссон кивнул. Отец сжал его за плечо и тоже кивнул. Свенссон медленно направился к входной двери. Уже на пороге он услышал, как мать сквозь слёзы спрашивает, куда он ещё собирается.

— К родителям Лизы, — ответил отец.

Свенссон вышел. В машине он закрыл глаза и попытался глубоко вдохнуть. Громыкнула дверь. Свенссон открыл глаза. Его сестра сидела рядом. Он посмотрел на её заплаканное лицо.

— Ты остаёшься в машине, — холодно сказал он.

†

В доме его тестя и тёщи горело только окно кухни, больше ни одно. Этот свет показался Свенссону тусклым и безжизненным. Он заглушил двигатель. Ханна положила руку на его руку. Он резко отдёрнул её и, не сказав ни слова, вышел.

Он открыл входную дверь своим ключом и прошёл на кухню, не включая свет в прихожей. Родители Лизы сидели за столом. Они молча смотрели на него, когда он остановился в дверях кухни. Глаза её матери были красными. Отец Лизы поднялся, увидев Свенссона.

— Моя дочь... мертва? — спросил он надломленным голосом.

— Да.

Отец Лизы бессильно опустился обратно на стул и беспомощно посмотрел на жену. Она уронила голову на руки и всхлипнула, затем заплакала — громко, с надрывом. Отец Лизы тоже заплакал.

— Я тоже потерял свою дочь, — сказал Свенссон. Он знал, что это не облегчит их боль, но всё равно сказал это. Мать Лизы подняла голову и посмотрела на него. — Я сообщу... обо всём.

Как окаменев, он повернулся, чтобы уйти.

— Марк... — надломлено позвала его тёща. — Свенссон полуобернулся. — Марк, я... мы... — начала она.

Свенссон не смог утешить свою мать и не мог вынести боль в глазах родителей Лизы. Он просто был не в состоянии

их утешить. Он прервал тещу жестом руки и молча ушёл.

У телефонного столика в прихожей он остановился и снял ключ от дома со своей связки. Он медленно и окончательно положил его на столешницу. Он больше не чувствовал себя в этом доме зятем, с которым было связано столько тёплых воспоминаний. Теперь он был лишь мужем мёртвой дочери.

Как можно быстрее он вышел наружу.

†

— Я поеду с тобой, — сказала Ханна, когда он сел в машину.

— Перестань, — резко ответил он. — Я не повешусь.

— Я знаю, — прошептала Ханна. — Просто... я сейчас не хочу быть с родителями. И не хочу быть одна, — попросила она и заплакала.

Глава 6

Войти в собственную квартиру был словно удар. Всё вокруг напоминало Свенссону о его семье. Роза, которую он подарил жене четыре дня назад и которая только сейчас по-настоящему расцвела. Холодный чай его дочери на столе. Её яркий носочек, который он должен был убрать.

Свенссон не хотел вспоминать. Он выключил свет, прошёл в тёмную гостиную и сел на диван. Но и здесь он чувствовал в воздухе запах своей жены.

†

Ханна вошла и остановилась перед ним. Он смотрел сквозь неё. Она стояла и не знала, что сказать или сделать. Впервые в своей жизни её старший брат оказался тем, кто нуждался в помощи. До сих пор именно он всегда был рядом, поддерживал её и утешал. Он всегда знал, что сказать и что сделать. И когда он обнимал её, ей становилось легче на душе.

Ханна села к нему на колени, поджав ноги, взяла его лицо в ладони, закрыла глаза и прижалась лбом к его лбу.

Он выдержал это лишь мгновение, затем резко вскочил.

— Слезь с меня, — рявкнул он. — Ханна широко раскрыла глаза и посмотрела на него сквозь слёзы, отрясённая. — Они обе так делали, — сказал он мягче. — Прости.

Ханна перебралась к нему ближе, обняла его за шею и положила голову ему на плечо. Свенссон остался неподвижным.

†

Пустота внутри него исчезла, и постепенно пришла боль — как порез от тупого ножа поперёк груди. Свенссон пытался её подавить, но не смог — его тело непроизвольно начало дрожать.

Ханна обняла его крепче, и он услышал, как она тихо плачет. Он заставил себя прекратить дрожь, и через две минуты ему это удалось. Ханна тихо всхлипывала рядом с ним, он чувствовал её слёзы на своей шее и то, как она содрогается в рыданиях, которые тщетно пыталась сдержать. Свенссон не

двигался. Ей он тоже не мог помочь.

Он посмотрел на свои руки. Всю жизнь он работал ими, что-то создавал, умел многое. Теперь его руки были бесполезны — просто лежали неподвижно рядом с его ногами.

Время шло, стемнело. Свенссон больше не видел своих бесполезных рук, он лишь знал, что они есть — как и остальное его тело.

Его сестра теперь дышала ровно, как раньше, когда она маленькой девочкой засыпала у него на руках.

Впервые за несколько часов Свенссон едва заметно улыбнулся. Он осторожно высвободился из объятий Ханны и аккуратно уложил её. Она, должно быть, была совершенно измотана — она не проснулась, когда он подложил ей под голову одну из маленьких диванных подушек. Свенссон пошёл в спальню и снял с кровати одеяло. Он осторожно укрыл Ханну и сел рядом.

Под тёплым одеялом Ханна постепенно расслабилась. Глаза Свенссона привыкли к темноте, и он мог, пусть лишь смутно, различать черты её лица. Он смотрел на лицо своей сестры — непрерывно, не отводя взгляда. Боль больше не жгла. Теперь она лишь глухо и постоянно тянула где-то под ложечкой. А потом, спустя некоторое время, снова возникло ощущение бесконечной пустоты, которую ничем нельзя было заполнить.

Свенссон никогда бы не подумал, что возможно не думать ни о чём. Он знал, что жив, слышал собственное дыхание,

но его голова была пустой — он ни о чём не думал. Это было так, словно он стоял рядом с самим собой. Он смотрел слепым взглядом в окно, не моргая и ничего не воспринимая.

Была уже глубокая ночь, когда силы окончательно покинули его, и он закрыл глаза.

†

Когда он проснулся, он увидел обеспокоенное лицо своей сестры.

— Как давно ты проснулась? — спросил он.

— Около часа. Что тебе снилось? — напряжённо спросила Ханна.

— Ничего. Почему?

— Ты всё время дёргался во сне, — тихо сказала Ханна.

Свенссон не стал на это отвечать.

— Который час? — спросил он вместо этого.

— Без десяти семь.

— Мне нужно на работу.

— Ты в своём уме? — спросила Ханна.

— Я ненадолго, просто скажу, что случилось. — Свенссон глубоко вздохнул. — Мне нужно заняться похоронами. — Он на мгновение замолчал. — А тебе нужно в школу. Я отвезу тебя домой.

— У нас в классе у одного одноклассника дядя работает в похоронном бюро, я узнаю адрес, — предложила Ханна. — Хорошо? Хорошо, Марк?

Свенссон кивнул.

Глава 7

Он отвёз Ханну домой — оттуда до школы ей было всего десять минут на автобусе, и поехал на работу. Было почти восемь, когда он вошёл в мастерскую. Ученик уже был на месте.

— Привет, — только и сказал ему Свенссон и прошёл в кабинет.

Шеф читал утреннюю газету.

— Доброе утро, — сказал Свенссон.

Станным образом он снова что-то почувствовал. Это было почти как предвкушение облегчения, которое вот-вот должно было наступить.

— Я увольняюсь, — сказал он без всякого вступления, — с сегодняшнего дня.

Шеф посмотрел на него в полном недоумении. Прошло несколько секунд, прежде чем он осознал, что Свенссон сказал — и что он говорит серьёзно.

— Это из-за того, что я не купил этот прокачиватель? — спросил он. — Он внимательно посмотрел на Свенссона. Если сначала он и принял всё за шутку, то один взгляд в его глаза убедил его в обратном. — Марк, что ты такое говоришь? Ну не обижайся ты из-за этого, — напряжённо попросил он.

Свенссон не закрыл дверь в мастерскую. Ян стоял за ней. Он неизбежно слышал разговор, так что Свенссону не нужно

было повторять всё дважды.

— Моя семья погибла, — устало сказал он. — Вчерашняя авиакатастрофа. — Шеф часто заморгал, не находя слов. Пауза затянулась. Ян вошёл. Он просто стоял молча, бледный как стена позади него. — Подготовьте документы. Я приду завтра утром и принесу заявление, — наконец сказал Свенссон, чтобы прервать тяжёлое молчание.

Облегчение, которого он ожидал, странным образом так и не пришло.

— Марк... — начал шеф.

Свенссон не хотел слышать про то, что время лечит.

— Нет. — Он посмотрел ему в лицо. — Для меня это больше не имеет смысла. И вы не всегда были довольны моим стилем. Теперь вы от меня избавились. — Свенссон заметил, что говорит всё быстрее, замолчал и заставил себя успокоиться. — До свидания.

Он повернулся и вышел. Шеф остался сидеть, подавленный и молчаливый, а Ян пошёл за Свенссоном.

— Мне правда очень жаль, — сказал он, когда шёл за ним через мастерскую. — Марк, ты правда уходишь?

Свенссон остановился, обернулся и кивнул. Ян, казалось, хотел что-то сказать, но так и не сказал. В этот момент его окликнул шеф. Ян повернулся и ушёл, не пожав Свенссону руки.

†

В машине Свенссон позвонил сестре.

— Я закончил.

— Я тоже, можешь забрать меня у школы, — ответила Ханна.

Свенссон поехал туда. До следующей перемены оставалось сорок минут.

— Я уволился, — сказал он, когда Ханна села в машину. — Адрес есть?

Ханна протянула ему листок с адресом. Её почерк был красивый, почти каллиграфический.

— Ты знаешь, где это? — спросила Ханна.

— Примерно, — ответил Свенссон. — Спасибо.

Он ждал, что она выйдет.

— Я поеду с тобой, — твёрдо сказала Ханна.

— Нет.

†

Ханна посмотрела брату в глаза. Он смотрел на неё так же, как всегда, когда ему предстояло сделать что-то неприятное или тяжёлое. В такие моменты он никогда не брал её с собой.

— Я буду ждать тебя у тебя дома, — прошептала она сквозь слёзы и вышла из машины.

†

Похоронное бюро производило очень солидное впечатление. Свенссон огляделся. К нему сразу подошёл мужчина в строгом тёмном костюме.

— Добрый день, — поздоровался он. — Его голос звучал приглушённо, тон был сдержанно-достойный. Свенссон

лишь кивнул. — Чем я могу вам помочь? — спросил мужчина.

— Организовать похороны, — ответил Свенссон.

— Прошу, — похоронщик провёл его к столу. — О ком идёт речь?

— Моя жена и дочь.

— Примите мои искренние соболезнования.

— Спасибо, — сказал Свенссон тоном, ясно давая понять, что дальнейшие слова сочувствия нежелательны.

Похоронщик кашлянул.

— Как вы представляете себе церемонию?

— Никакой церемонии — похороны, — поправил Свенссон.

— Как вы хотите, чтобы всё прошло? — спросил похоронщик с некоторой неуверенностью.

— Вы звоните в аэропорт Эмдена, там вам скажут, в какой больнице находятся тела. Вы их забираете, кладёте в гробы, везёте на кладбище и хороните, — монотонно ответил Свенссон.

Похоронщик сделал несколько пометок.

— В каком виде всё должно быть организовано? — спросил он, закончив писать.

— Дёшево, — Свенссон посмотрел на него. — Просто, если вам это слово больше нравится.

Похоронщик посмотрел на него с явным потрясением — такого он явно не ожидал — затем пожал плечами.

— Это ваша семья, — заметил он с оттенком осуждения.

— Это смерть, — резко возразил Свенссон. Он тяжело выдохнул. — И она забрала мою семью. Мне что, праздновать это?

— Хорошо, — похоронщик, похоже, наконец начал понимать, что с ним происходит. — Я сделаю всё так, как вы хотите. Цветы?

— Немного. И ещё два надгробия, — добавил Свенссон.

— Хорошо, всё будет, как вы пожелали, — повторил похоронщик. — Надгробия будут готовы через два месяца, всё остальное...

— Подождите, — перебил его Свенссон, — почему два месяца?

— Дело в том, — начал похоронщик, но сразу увидел, что этот ответ его не устроит. — У каменщиков заказы расписаны далеко вперёд...

— Нет, — снова перебил его Свенссон. — Мне всё равно, сколько это стоит. Я хочу, чтобы всё было готово сразу и полностью. — Он холодно посмотрел на похоронщика. — Если вы этого не сделаете, есть другие. Или я сам пойду к этим каменщикам.

— Вы противоречите сами себе, — попытался тот с лёгкой улыбкой разрядить обстановку.

— Избирательный декаданс, — мрачно ответил Свенссон. — Мне не важны сами похороны. Важно, чтобы у родителей было место, куда они смогут приходить и скорбеть. Я просто

хочу поскорее со всем этим покончить.

Похоронщик удивлённо посмотрел на него и некоторое время молчал. Свенссон смотрел прямо в ответ. Что бы тот ни увидел в его глазах, он отвёл взгляд, вышел в соседнюю комнату и говорил там по телефону двадцать одну минуту.

Свенссон не понимал слов, только то, что тот говорил настойчиво.

— Хорошо, — сказал похоронщик, вернувшись. — Надгробия будут готовы к похоронам.

Свенссон посмотрел на него. Деньги, наверное, могут почти всё, подумал он, только не вернуть никого к жизни.

Остальное заняло немного времени. Когда Свенссон уже собирался уходить, похоронщик жестом остановил его.

— Мне нужна доверенность, чтобы забрать останки ваших родственников, — сказал он.

— Оформите быстро.

— Эм... — похоронщик кашлянул, — мне также потребуется аванс.

Свенссону стало трудно дышать.

— Я оплачу всё сразу. Вы принимаете чеки? — спросил он. — Похоронщик кивнул и Свенссон достал чековую книжку. Он на мгновение уставился на неё. Эта книжка была у него всего шесть дней. Он думал, что воспользуется ею для строительства дома, о котором всегда мечтала Лиза. С внутренней болью он на секунду замер, затем задумался. — Мне нужен и для себя участок — прямо рядом с ними. —

Он посмотрел на похоронщика. — Как можно быстрее, — снова подчеркнул он.

Он подписал чек, не вписывая сумму, и протянул его похоронщику. Тот посмотрел ему в лицо, и его взгляд смягчился.

— Я обо всём позабочусь, господин Свенссон.

— Спасибо. До свидания.

†

«По крайней мере, немецкие чиновники такие, какими и должны быть — сдержанные и отстранённые», — подумал Свенссон в ратуше.

Сотрудница в отделе по работе с гражданами лишь сказала, что ей жаль его, когда он объяснил, с чем пришёл. После этого она просто занялась своей работой. Другая сотрудница, к которой первая затем направила Свенссона, вела себя так же. Только когда всё было закончено, женщина протянула ему руку.

— Всё равно всего вам доброго, — просто сказала она.

— Спасибо, — ответил Свенссон с облегчением и вышел.

На ступенях ратуши он остановился и посмотрел на свидетельства о смерти. Он держал смерть своей семьи в руках. Он глубоко вдохнул и пошёл дальше к парковке.

†

Он поехал домой. Во дворе стоял универсал его арендодателя. Тем лучше, подумал Свенссон. Он нашёл его в подвале.

— Я хочу расторгнуть договор аренды, — сказал он после короткого приветствия.

Прежде чем удивлённый арендодатель успел сказать хоть слово, Свенссон объяснил причину.

— Мне очень жаль, — начал было арендодатель.

Свенссон сразу его перебил.

— Всё в порядке. Я могу дать вам чек за последние три месяца?

— Да, конечно.

— Я останусь, пока не найду что-то другое. Возьму только то, что мне нужно. Вы сможете потом освободить квартиру? Я вам заплачу.

— Вы не хотите забрать мебель? — удивлённо спросил арендодатель.

— Мебель, одежда... Зачем мне это? Продайте, если хотите, — сказал Свенссон и запнулся. — Подсчитайте всё и сообщите мне. Я принесу вам чек завтра. Когда вам удобно?

— Как скажете. Я завтра буду здесь примерно в половине двенадцатого.

Свенссон кивнул. Ему хотелось только уйти. Похоже, арендодатель это понял — он пожал ему руку и попрощался.

†

Свенссон был рад, что Ханны ещё нет. Ему нужно было кое-что сделать, и он не хотел, чтобы сестра была рядом. Ханна ещё не смирилась с тем, насколько всё это окончательно. Свенссон глубоко вздохнул, пошёл в гостиную и вклю-

чил компьютер.

Ему понадобилось тридцать минут, чтобы написать и распечатать заявления — на расторжение договора аренды и на увольнение. Затем он позвонил в страховые компании и изменил договоры. Потом он опёр голову на руки и уставился в окно.

Зазвонил мобильный. Он посмотрел на номер, затем нехотя ответил.

— Да?

— Как ты, сын? — спросил отец.

— Как мама? — спросил в ответ Свенссон.

— Плохо. Что ты делаешь?

— Навожу порядок.

— Тебе нужна помощь?

— Нет.

— А завтра ты уже снова идёшь на работу, да, сын?

— Нет. Уволился.

— Ты всё-таки собираешься переехать в Вольфсбург?

— Скорее всего, нет.

— Не принимай поспешных решений, Марк, — попросил отец обеспокоенным голосом. — Я знаю, тебе тяжело, но тебе нужно сначала снова начать ясно мыслить. Давай поживёшь у нас какое-то время...

— Нет.

— Но...

— Нет. Па, я справлюсь, хорошо?

Отец несколько мгновений молчал, подавленный.

— Когда ты к нам приедешь? — спросил он затем нерешительно.

— Когда маме станет лучше. — Свенссон никогда не мог видеть свою мать страдающей. — Скажи, когда это будет.

— Хорошо, сын. Береги себя.

— Ты тоже.

†

Свенссон нерешительно потянулся к компьютеру. На самом деле он бы с радостью покончил с этой жизнью теперь, когда она утратила всякий смысл. Но он не мог причинить своей семье ещё одну потерю. Хотя он сомневался, что его присутствие хоть сколько-нибудь облегчает им боль. Но, возможно, они смогут хоть немного облегчить её ему.

Он позвонил агенту по недвижимости. Было приятно не объяснять снова, что его семья погибла. После короткого обмена формальными словами Свенссон сказал, что ему нужно. Маклер пообещал позвонить завтра к полудню.

Теперь почти всё было сделано из того, что Свенссон задумал в первые минуты после пробуждения. Он всё распланировал, и это спасало его от необходимости сталкиваться с пустотой внутри себя.

Теперь эта пустота обрушилась на него. Он в отчаянии огляделся, и его захлестнуло желание снова ударить кулаком в стену — просто чтобы почувствовать хоть что-то другое. Он с трудом сдержался — лишь потому, что не хотел потом

отвечать на вопросы Ханна.

Глава 8

Свенссон почувствовал облегчение, когда услышал, как сестра открывает дверь — ещё немного, и он бы не выдержал в квартире один. Ханна вошла, посмотрела на него и побледнела. Он кивнул.

— Когда похороны? — с усилием спросила Ханна.

— Шестнадцатого в два, — ответил Свенссон. — Мне ещё нужно сообщить Майку. — Он взглянул на часы. — Ты голодна?

Ханна посмотрела на него и наконец улыбнулась, пусть и робко.

— Немного, — тихо сказала она.

— Заедем к Майку, а потом поедим, хорошо? — предложил Свенссон.

— Конечно, Марк.

Она держалась. И Свенссон был ей за это благодарен.

†

Мастерская, где работал его друг, находилась неподалёку. Она была большой — здесь ремонтировали сельскохозяйственную технику и грузовики. Свенссон припарковался так, чтобы не мешать. Он собирался идти в цех.

Ханна осталась сидеть. Она не хотела видеть лицо Майка. Но тот как раз шёл через двор, и её брат посигналил. Майк

оглянулся, увидел их и с широкой улыбкой направился к машине. Свенссон вышел.

— Привет. — Майк пожал Свенссону руку и посмотрел в машину на Ханну. — Привет, Ханна.

— Привет, Майк, — ответила она подавленно.

Майк перевёл взгляд на Свенссона.

— Что случилось?

Они были друзьями слишком давно, чтобы он ничего не заметил.

— Самолёт разбился, — ответил Свенссон. — Они погибли.

Губы Майка сжались, глаза сузились, крылья носа едва заметно задрожали. Свенссон и он смотрели друг на друга.

Они просто стояли, и Ханне казалось, будто мир замер, и существуют только эти двое мужчин, разделяющие невыразимое горе.

— Похороны во вторник в два, — наконец сказал Свенссон.

— Где? — голос Майка был как наждак.

Свенссон назвал адрес кладбища. Майк посмотрел на него. Свенссон слегка покачал головой, и Майк кивнул.

В воротах мастерской появился механик и позвал его. Майк снова посмотрел на Свенссона. Они пожали друг другу руки и ещё раз посмотрели друг на друга. Снова лишь кивнули, отпустили руки. Майк молча пошёл в цех.

Через секунду Ханна услышала громкий удар из мастер-

ской. Похоже, Майк швырнул первый попавшийся молоток в какую-то металлическую конструкцию.

Её брат, казалось, тут же тоже захотел так же поступить. Когда он сел в машину, Ханна сразу, молча, взяла его руку обеими руками и посмотрела на него.

†

Любовь в её взгляде немного ослабила боль Свенссона.

— Что ты хочешь поесть? — спросил он.

— Мне всё равно, — ответила Ханна. — А ты?

— Я не голоден.

— Ты должен поесть, — настойчиво сказала Ханна. —

Когда ты в последний раз ел?

Свенссон задумался. Прошло уже больше тридцати часов с тех пор, как он вместе с семьёй съел сэндвич в кафе аэропорта — незадолго до того, как Лиза и Мишель сели в самолёт.

— Ты права, — неохотно согласился он. — Но давай пойдём куда-нибудь, где тихо. Уже что-то открыто? Иначе давай подождём.

— Есть новый итальянский ресторан, он, кажется, скоро открывается, — сказала Ханна, раздумывая. — Минут двадцать езды от вашей квартиры.

Свенссон посмотрел на сестру и почти улыбнулся.

— Хорошо, что ты со мной, Ханна.

†

Она осторожно улыбнулась ему сквозь слёзы. Вообще-то

заботиться о ней было в его самой сущности.

†

Время — ему нужно было убить время. Свенссон поехал к своей квартире. Ханна посмотрела на него нахмурившись. Он хотел ей улыбнуться, но не смог.

— Давай пойдём туда пешком, — попросил он. — Время пройдёт быстрее, и, может быть, у меня появится аппетит. Только не умри по дороге от голода.

Ханна покачала головой и заметила, что последняя фраза, которую брат, вероятно, хотел сказать в шутку, ранила его самого. Она взяла его за руку.

Они шли медленно, но всё равно им пришлось немного подождать у ресторана, пока тот откроется. Они были первыми посетителями и могли выбрать любой стол. Они прошли к столику в самом дальнем углу зала, в своего рода уединённом месте, где и свет был приглушённым. Официант всё время улыбался им — вероятно, он принял их за влюблённую пару. Когда он спросил, что они будут пить, Свенссон заметил, что Ханна напряжена — до тех пор, пока он не заказал свою обычную колу. Лишь после этого его сестра немного расслабилась и заказала то же самое.

— Я не собираюсь начинать пить, — сказал Свенссон, когда официант ушёл. — Ты можешь спокойно заказать себе вино.

Ханна слегка пожала плечами.

— Ну... — неопределённо сказала она и потянулась к кор-

зинке с хлебом, которую принёс официант. — До еды ещё, наверное, долго. Мне нужно хотя бы кусочек хлеба, иначе мне станет плохо.

Свенссон ничего не ответил, и Ханна поняла, что эта фраза напомнила ему о Лизе. Она молча опустила глаза. Официант вернулся, поставил перед ними колу и подал каждому меню. Свенссон остановил его, когда тот собирался уйти.

— Подождите, — попросил он. — Дама хочет вина.

Официант с улыбкой остался. Ханна немного смущённо спросила про свой любимый сорт. Она заказала маленький графин, и официант ушёл.

Свенссон и Ханна молча изучали меню. Официант вернулся и налил Ханне вина. Свенссон уже знал, что будет есть. Ханна выбрала рыбу. Официант одобрительно кивнул и ушёл.

Они больше не говорили, пока не принесли еду. Свенссон ел механически, без удовольствия, хотя еда была превосходной. Это шло на пользу только его телу. Мысль о том, что Лизе здесь наверняка понравилось бы, была горькой. Он отложил приборы.

— Это всё просто бред, — сказал он.

Когда он заговорил, Ханна улыбнулась. Тишина стала для неё невыносимой, но она не знала, как начать разговор.

— Что? — быстро спросила она.

— Лиза всегда хотела дом, но у нас никогда не было на это денег — из-за моего обучения на мастера, потом на ин-

женера. А теперь... Помнишь ту систему инструментов, которую я разрабатывал годами? Из-за которой учился на инженера? — Ханна кивнула. — Я в прошлом году наконец дошёл её до совершенства и подал на патент, — продолжил он. — Три месяца назад одна швейцарская компания захотела её купить. Я продал. Теперь я мог бы без проблем построить три дома на эти деньги. Я хотел сделать Лизе сюрприз на день рождения.

На лице Свенссона мелькнуло подобие улыбки. *Это так на него похоже*, подумала Ханна — он любил делать сюрпризы ей и своей семье и радовался при этом, как ребёнок.

— А до этого я отправил их в отпуск — мы ведь три года никуда не ездили. Я солгал, сказал, что у нас нет денег на всех. Лиза поверила и скрепя сердце согласилась, потому что Мишель так обрадовалась, когда услышала слово «отпуск». — Свенссон выдохнул и снова взял вилку. — Я хотел за это время найти участок.

Он задумался.

— И сколько это? — спросила Ханна.

— Что? А... После всех вычетов... — Свенссон на мгновение замолчал, прикидывая в уме. — Восемьсот тысяч евро.

— Ого...

У Ханны перехватило дыхание. Она отложила приборы.

— Вот именно, «ого», — горько сказал Свенссон. — А потом — сдвиг ветра, и всё превращается в кучу нулей.

Они некоторое время молчали.

— И что теперь? — спросила Ханна.

— Я оплачу тебе лучшее образование, какое только можно получить, — сказал Свенссон. — Он задумался. — Оплачу родителям поездку, о которой они всегда мечтали. Себе куплю квартиру — в нашей я жить не могу. — Он на мгновение запнулся. — Похороны... — Он замолчал. — Мне ещё нужно принести фотографии к похоронщику, — вспомнил он и посмотрел на Ханну. — Выберешь красивый надгробный камень для своей племянницы? Я в этом ничего не понимаю.

— Самый красивый, какой только есть, — пообещала Ханна сквозь слёзы.

†

Свенссон становился всё беспокойнее по мере того, как в ресторан приходило всё больше людей, и вскоре совсем перестал говорить. Поев, он и Ханна сразу ушли. Лишь когда они вернулись в его квартиру, он немного успокоился, но ни он сам, ни Ханна не включили свет.

Она пошла звонить родителям, а Свенссон нерешительно вошёл в спальню. Ханна быстро закончила разговор, подошла к нему и несколько минут молча смотрела, как он неподвижно стоит перед своей супружеской кроватью.

— Тяжело? — спросила она. — Свенссон кивнул. — Помнишь, когда я была совсем маленькой? — осторожно начала Ханна. — Когда родители уходили, я забиралась к тебе в

кровать. Ты обнимал меня, и я засыпала.

— Мишель тоже любила так делать, — сказал Свенссон с едва заметной улыбкой. — Она всегда протискивалась между мной и Лизой. Её дыхание щекотало мне ухо.

— Когда она у нас ночевала — тоже, — Ханна беспомощно всхлипнула. — О Боже, как мне её не хватает. — Затем она посмотрела на брата. Он, казалось, едва держался на ногах от усталости и изнеможения, и Ханна взяла себя в руки. Он всегда был рядом с ней. Ей хотелось теперь сделать для него то же самое. — Пойдём, старший брат, — сказала она. — Дай мне сегодня побыть рядом с тобой.

Она укрыла его, как он когда-то укрывал её, и села рядом на кровать. Свенссон сразу закрыл глаза. Ханна осторожно провела пальцами по его щеке.

— Ты тоже часто так делала... когда была маленькой... Мишель иногда тоже, — пробормотал Свенссон.

Вскоре он уснул и лежал неподвижно. Ханна сидела рядом и смотрела на него. Сколько раз он точно так же сидел рядом с ней и оберегал её сон.

†

Свенссон проснулся рано, сон пошёл его телу на пользу. Ханна уже тоже была на ногах и рылась в ящиках шкафа в гостиной. Она печально посмотрела на него, когда он вошёл.

— Я ищу фотографии, — тихо объяснила она.

Свенссон молча кивнул. Он прошёл на кухню и стал смотреть в утренние сумерки. Он был благодарен Ханне за то,

что она осталась с ним.

Через несколько минут она тихо подошла к нему и коснулась его руки.

Не говоря ни слова, они вышли из квартиры, сели в машину и поехали к дому родителей. Когда они приехали, Свенссон протянул сестре пустой чек. Она вопросительно посмотрела на него.

— На платье для похорон, — сказал Свенссон. — Ты бы всё равно его купила.

— Да, но... — начала Ханна с возражением.

— Не нокай.

— Но...

— Ханна, у меня теперь более чем достаточно денег — а у тебя нет, — сказал Свенссон раздражённо. — Поверь, мне бы хотелось, чтобы нам не пришлось этим заниматься.

— Ладно. — Ханна взяла чек. — И насчёт надгробий — мне заняться этим после школы, так?

— Да.

— Забери меня из школы в половине третьего.

— Спасибо тебе.

Ханна открыла дверь, затем наклонилась к брату и поцеловала его.

Глава 9

После работы Майк остался один в раздевалке. Он сидел

за столом и смотрел в стену. Лишь когда пришёл шеф и сказал, что хочет закрывать, Майк встал и вышел.

Дома он молча чмокнул жену и дочь и сел за стол, на котором уже стоял ужин. Он ел, замкнувшись в себе, говорил неохотно и односложно. Его состояние передалось жене и дочери — они притихли. После еды Майк встал, спустился в подвал и вернулся с бутылкой водки. Её он сначала поставил в коридоре, чтобы дочь её не увидела.

— Уложи Мануэлу, — сказал он жене.

Джессика молча повела девочку спать. После того как Майк поцеловал дочь на ночь, он принёс бутылку. Джессика вошла в кухню, села за стол и молча наблюдала, как он налил себе стакан и выпил его залпом. Затем он сел и посмотрел на неё.

— Лиза и Мишель погибли, — сказал он без выражения.

Джессика судорожно вдохнула и заплакала. Майк снова налил.

— И это тебе помогает? — спросила Джессика сквозь слёзы.

— Нет.

Майк выпил стакан одним глотком. Потом они сидели молча. Джессика всхлипывала, лицо Майка становилось всё более безжизненным.

— Я так счастлив, что это не вы умерли... но почему всегда он? — пробормотал он и беспомощно посмотрел на жену. — Почему всегда Свенссон?

Он уставился в окно, но казалось, что смотрит не наружу, а в прошлое. Джессика видела, как его лицо болезненно застывает в воспоминании. Она знала, о чём думает её муж.

†

Четырнадцать лет назад семьи Майка и Свенссона уже несколько лет жили в городе, но каникулы они всё равно проводили у дедушек и бабушек. Там они помогали по хозяйству, а в остальное время могли делать всё, что хотели. Они ездили на тракторах и мопедах, дурачились, и со стороны взрослых не было почти никакого контроля.

В рождественские каникулы, незадолго до пятнадцатого дня рождения Свенссона, они с Майком работали в холодный день в сарае у его бабушки и дедушки. Им нужно было сделать проём, чтобы туда можно было загонять небольшой трактор, которым почти не пользовались. Потом они собирались помочь у бабушки и дедушки Майка и вечером пойти на деревенскую дискотеку.

Работали быстро, вскоре оставалось убрать всего несколько досок. Свенссон уцепился за одну из них, чтобы вырвать её. Ему это удалось, но он при этом упал на живот. Они с Майком удивлённо посмотрели друг на друга и рассмеялись. Свенссон попытался подняться.

Стена, среднюю часть которой они с таким энтузиазмом ломали, находилась в задней части сарая и сверху примыкала к небольшому открытому чердаку. Когда-то давно там оставили бочку с двадцатью литрами антифриза. Теперь, из-

за бурного рвения Свенссона, бочка пришла в движение — она лежала на боку. Майк в последний момент увидел, как она подкатилась к краю чердака.

— Марк! — заорал он предупреждающе.

Свенссон успел лишь поднять взгляд — времени даже перекатиться в сторону уже не было. Бочка упала ему на спину. Раздался мерзкий чавкающий звук, который потом ещё много лет будил Майка по ночам.

— Марк... — пролепетал он. — Ты как? Всё нормально?

И тут он увидел, как из спины Свенссона торчит что-то белое. Во время работы им стало жарко, они сняли куртки и остались в рубашках и комбинезонах. Майк бросился вперёд и стащил бочку со спины друга. Свенссон пришёл в себя и застонал.

— Не двигайся, — приказал Майк.

— Мне холодно... — прошептал Свенссон в полубреду и попытался подняться.

— Свенссон! — заорал Майк. — Не двигайся! Лежи! Я позову помощь!

— О-кей... — пробормотал Свенссон без сил.

— Не двигайся! — крикнул Майк ещё раз, выбегая.

Четыреста метров до дома стали самыми длинными в его жизни. Он влетел внутрь, бросился к телефону, даже не взглянув ни на кого, и набрал один-один-два.

— Моему другу на спину упала бочка с высоты двух метров, у него из спины торчит кость! — закричал Майк, когда

на другом конце сняли трубку. Он назвал адрес. — Быстрее!
— заорал он.

Он увидел бледные лица матери и бабушки Свенссона, его отец уже выбежал наружу. Майк бросился за ним.

Свенссон лежал совершенно неподвижно, с открытыми глазами, и стал ещё бледнее. Его отец опустился рядом на колени.

— Не двигайте его! — крикнул Майк отцу Свенссона.

Тот лишь кивнул, по его щекам текли слёзы. Впервые в жизни он чувствовал себя абсолютно беспомощным. Его ребёнку нужна была помощь — а он ничего не мог сделать.

— Мы не виноваты, па, — пробормотал Свенссон. — Бочка стояла неправильно, мы работали как обычно...

— Сын... — всхлипнул отец. — Всё в порядке...

— Тогда всё нормально... — голос Свенссона становился всё тише. — Но мне правда жаль, па...

Он попытался улыбнуться. Затем его лицо стало мертвенно-бледным, и он снова и снова терял сознание, пока они ждали врача. Время словно остановилось. Наконец они услышали вертолёт. Майк выбежал наружу и замахал руками. Вертолёт сел примерно в ста метрах, подняв облако мелкого снега. Врач и санитар выпрыгнули с носилками и побежали к нему. Майк тут же, не говоря ни слова, бросился обратно в сарай, они — за ним.

— Отойдите! — рявкнул врач, едва взглянув на Свенссона и его отца, и тот поспешно отступил. — Врач опустился

рядом со Свенссоном и ощупал его спину. Затем посмотрел на Майка и на отца. — Выйдите, — приказал он.

Они замешкались, и санитар вывел их наружу и закрыл за ними створку ворот.

— Врач с ним, — сказал отец Свенссона своей жене, которая стояла рядом с бабушкой и дедушкой, держа Ханну на руках.

Они молча ждали. Время тянулось бесконечно.

Вдруг ворота сарая распахнулись, врач и санитар бегом вынесли Свенссона на носилках к вертолёту. Пилот вышел и открыл люк. Вместе они осторожно погрузили Свенссона внутрь.

Майк вместе с семьёй побежал к ним и попытался сжать руку друга, но санитар резко оттолкнул его. Врач остановил коллегу, заметив бледное личико Ханны. Он убедился, что введённые препараты подействовали, и повернулся к семье.

— Всё не так страшно. Это была не кость, а подкладка его рубашки, — сказал он с лёгкой улыбкой. — Это не опасно для жизни, но серьёзно, — добавил он, прежде чем мать Свенссона успела задать вопрос, и посмотрел на Майка. — Ты был рядом с ним? — Майк кивнул. Врач протянул ему руку. — Ты всё сделал правильно — не стал его двигать и сразу вызвал помощь.

— Куда вы его везёте? — спросила мать Свенссона, задыхаясь от слёз.

Врач назвал клинику, садясь в вертолёт. Пилот запустил

двигатель.

— Нам нужно взлетать! — крикнул санитар и потянулся закрыть люк.

— Подождите, пожалуйста, — сказала мать Свенссона и наклонилась внутрь. — Сын...

Санитар мягко, но решительно отстранил её и закрыл люк.

— Отойдите! Нам нужно взлетать! — крикнул он и забрался внутрь.

Они отбежали от вертолётa, остановились и смотрели, как он поднимается и уносит Свенссона.

— Майк... — его мать отпустила Ханну, опустилась перед ним на колени и обняла его. — Спасибо, Майк... — сказала она плача.

Он не знал, что ответить, и нерешительно обнял её. Затем он почувствовал руку отца Свенссона на своём плече и маленькую ладонь Ханны, сжавшую его большой палец.

†

Воспоминание об этом несчастном случае было самым страшным в жизни Майка и Свенссона, подумала Джессика. Но теперь произошло нечто ещё хуже.

Майк сидел мрачно. Джессика подошла к нему, взяла его голову в руки и прижала к своему животу, в котором зарождалась новая жизнь. Через некоторое время она мягко подняла мужа и отвела его в спальню. Уложила в постель и прижалась к нему. Она обняла его и почувствовала, как он дро-

жит. Джессика прижала его к себе изо всех сил.

Словно в безнадежном отчаянье, Майк обнял её.

Глава 10

После того как Свенссон высадил сестру у дома, он поехал обратно — он оставил заявление об увольнении в квартире.

Некоторое время он смотрел на бумагу. *Есть ли у меня ещё эта ответственность?* спросил он себя. Да, но не перед шефом, а перед его покойным братом у него оставался долг.

†

До мастерской он добрался за двадцать минут. То, что шеф был уже на месте, было нормально, но Свенссон увидел и машину своего ученика. Оба были в офисе и ждали его. Свенссон молча остановился у стойки.

— Привет, Марк. — Шеф поднялся. — Может, ты ещё подумаешь? Остайся, мы можем и о деньгах поговорить...

— Нет, — перебил его Свенссон.

— Почему?

— Я уже сказал вам вчера — это больше не имеет смысла. Я не могу делать вид, что ничего не произошло, — снова попытался объяснить Свенссон. — Я распугаю всех клиентов. И я просто больше не хочу.

— Но на что ты будешь жить?

— Это уже моя забота, — отрезал Свенссон. — В прошлом году вы сами хотели от меня избавиться. Теперь мо-

жете взять кого-то получше.

Шеф посмотрел на ученика, который до сих пор не произнёс ни слова.

— Да это же было из-за твоей учёбы, потому что ты иногда был рассеян, — заметно смущённо сказал он. — Ты же знаешь, у меня иногда характер берёт верх. Но я ведь никогда не имел это в виду всерьёз. — Свенссон лишь пожал плечами. — Я, наверное, не смогу найти другого мастера, — честно сказал шеф. — Никакой молодой мастер не так хорош, как ты, а такого, как ты, я просто не потяну. — Он снова посмотрел на ученика. — И с Яном...

— Ладно, — перебил его Свенссон. — Пока Ян учится, я останусь на четырёрхсот евро. Буду числиться у вас мастером, подписывать техосмотры выхлопа и доведу Яна до конца обучения. Но приходить буду только если действительно понадобится.

— Спасибо, Марк, — заметно облегчённо сказал шеф. — То, что случилось с твоей семьёй...

— Никогда больше не упоминайте мою семью, — тихо приказал Свенссон. — Никогда. Составьте новый договор.

— Хорошо.

Шеф, казалось, хотел сказать ещё что-то, но Свенссон отвернулся, молча прошёл в мастерскую и огляделся. Здесь всё было ему знакомо. Но теперь это уже не играло никакой роли. Свенссон любил свою работу. Он любил работать руками. Теперь ему было всё равно. Лишь последний остаток по-

рядочности по отношению к людям, с которыми он работал, удержал его здесь.

К нему подошёл Ян. Он, казалось, не мог скрыть своей радости.

— Спасибо, мастер.

Свенссону от этой возбуждённой радости ученика стало почти не по себе.

— Ладно.

— Я уже боялся, что мне тоже придётся бросить обучение, — сказал Ян. — Каплер вчера уговаривал меня попросить тебя остаться. Но я думал, что если ты что-то решил, тебя уже не переубедить. Я, конечно, надеялся, что смогу здесь остаться, но...

— Хватит, я сказал, — раздражённо перебил его Свенссон. — Слушай, теперь у тебя будет так же, как у меня учеником, когда мой мастер ещё был жив. Брат Каплера давал мне работать самому и помогал только тогда, когда я уже совсем не мог справиться — так учишься лучше всего. У нас с тобой будет точно так же. — Он сделал паузу. — И не вздумай звонить мне по каждой мелочи. Сначала попробуй сам и не давай Каплеру сбивать себя с толку. Если совсем зайдёшь в тупик — только тогда зови меня. Можешь ему так и сказать. Мне эти четыреста не нужны. Меня здесь больше ничего не держит. Ничего, — Свенссон заметил, что сказал это слишком резко. *Жизнь иногда жёсткая*, подумал он. — Расслабься, Ян, всё будет нормально.

Новый договор был быстро готов. Свенссон прочитал его, пока Каплер молча смотрел на него. Старик записал всё именно так, как он сказал. Свенссон подписал и ушёл.

Глава 11

Вторник, в который состоялись похороны, начался с яркого солнечного света. Свенссон просидел до пяти утра перед телевизором, переключаясь между дурацкими викторинами и дешёвыми боевиками, лишь бы не думать о похоронах. Из-за них впервые после катастрофы ему стало по-настоящему плохо. Тогда, в последующие дни ему пришлось решать множество дел, и это помогало не думать постоянно об окончательном прощании. Теперь ему предстояло встретиться с этим лицом к лицу.

Он сидел на стуле на кухне, положив руки на колени, и смотрел, как они слегка дрожат. Он не мог справиться с этой дрожью. Он вышел на балкон и мрачно посмотрел на мир. Это был прекрасный день для жизни. Но жить ему не хотелось.

Стоишь тут в одних трусах и даже не простужаешься, подумал он, *а они мертвы.*

Он вернулся в квартиру — пора было одеваться. Когда он повязал галстук, он замер. В этом костюме он женился. Его руки опустились. Некоторое время он стоял и смотрел на себя в зеркало. Затем он повернулся и пошёл в комнату

дочери. С воскресенья он туда не заходил. Он открыл дверь и сделал шаг внутрь. Носочек Мишель всё ещё лежал на полу. Свенссон поднял его и какое-то время машинально мял в руках, затем поднёс к лицу. Лёгкий, почти неуловимый запах его дочери всё ещё сохранялся в ткани. Запах, который замирал в его носу и вызывал в нём невыносимую тоску по ней. Он хотел держать в руках её маленькое, хрупкое тело. Он хотел почувствовать её ручки на своей шее, её голову у себя на плече. Воспоминание о ней было почти осязаемым, но ускользало, так и не став полностью реальным, оставляя после себя горькую тоску. Осознание того, что он больше никогда не сможет держать своего ребёнка на руках, делало это ещё невыносимее.

Свенссон пошёл в гостиную и достал из шкафа фотографию. На снимке была его молодая улыбающаяся жена, державшая на руках дочку. Лиза слегка повернулась, чтобы Мишель лучше попала в кадр. Они улыбались — такие красивые, такие живые...

Я вкалывал, подумал он, я хотел продвинуться в профессии, чтобы нам потом жилось лучше. А потом хотел уделить вам время.

В тот момент, когда самолёт начал падать, он понял, что этого «потом» никогда не будет и что его жизнь в следующую секунду потеряет смысл.

Эта мысль — точнее, это осознание — подкосила его. Боль ударила резко и жестоко, заставив Свенссона опустить-

ся на колени и согнуться, пока он не повалился на бок на пол. Он прижал фотографию к себе. Ком в горле почти не давал ему дышать, но слёзы так и не пришли.

— Моя маленькая девочка, я так хотел увидеть, какой красивой женщиной ты станешь, — прохрипел он шёпотом. — Такой же красивой, как твоя мама...

Тоска по Лизе словно ударила его в живот. Желание обнять её было невыносимым, и Свенссон выл, как избитая собака — безутешно и одиноко. Этот звук, пусть он и звучал только у него в голове, сводил его с ума. Ему не хватало их. Ему не хватало их любви.

Что же мне делать без вас, беззвучно кричал он, в чём теперь смысл, если вас нет? Что, Боже, что?

Мысль о Боге вызвала другое воспоминание. О Лизе — как она пыталась его утешить, когда ему было плохо, когда он сомневался в себе или не мог с чем-то справиться, всегда с улыбкой. «Доверься Богу», говорила она, «Бог всегда рядом с тобой». Вера Лизы была непоколебимой.

Любовь, которая держала нас на ногах, внезапно подумал Свенссон, Лиза получила от Бога. Он глубоко вздохнул. Боже, я надеюсь, что она была права, что Лиза и Мишель у Тебя, и Ты заботишься о них, что им хорошо у Тебя, молился он впервые в своей жизни. Я не заслуживал их, и благодарю Тебя за то, что они были у меня и что они меня любили.

Боль стала глуше — она больше не колола, а лишь ровно тянула где-то внутри. Но эта боль была лучше той бездон-

ной пустоты, которую он носил в себе с момента их смерти. Станным образом эта скорбь даже успокаивала — словно мать, как в детстве, обняла его и мягко укачивала.

Свенссон лежал, ни о чём не думая, обрывки воспомина-ний о жене и дочери возникали перед его глазами и исчезали снова.

Ему казалось, что он нашёл маленькую частицу покоя. Он полностью потерял чувство времени.

Глава 12

Ханна стояла у свежих могил и с трудом сдерживала своё недовольство. Отец держался на протяжении всей церемонии, лишь однажды — в последний момент, когда он смотрел на умерших, — по его лицу потекли слёзы. Мать же плакала всё время, как и родители Лизы. Майк и Джессика стояли с окаменевшими лицами и молчали.

Её брат тоже был здесь, но в похоронах он не участвовал. Он ни с кем не поздоровался, никого даже взглядом не удостоил, и весь его вид предупреждал — к нему лучше не подходить. На нём был костюм, но галстук болтался на шее, рубашка была расстёгнута сверху и не заправлена в брюки. Его внешний вид вызывал беспокойство у присутствующих, но его это совершенно не волновало — он стоял, как статуя. Он ни разу не посмотрел на свою мёртвую жену и дочь. Лишь когда гробы начали закрывать, Свенссон пошевелился. Всё

так же держа руки в карманах, он подошёл к могилам, опустив голову и глядя прямо перед собой. Когда гробы опустили, он бросил по одному цветку на каждый и снова отошёл в сторону.

Рабочие начали засыпать могилы, и когда земля с глухим звуком окончательно посыпалась на гробы, недовольство Ханна по отношению к брату настолько ослабло, что она перестала думать о нём — и думала только о своей невестке и маленькой племяннице.

†

После окончания церемонии Майк коротко переговорил с женой, и она вместе со своими родителями отошла, чтобы попрощаться с родителями Свенссона. Майк подошёл к Ханне, которая нерешительно смотрела на брата.

— Давай увезём отсюда твоих родителей, — тихо предложил он.

С его помощью и с помощью отца Ханна усадила мать в машину. Это стало своего рода сигналом для остальных — они коротко попрощались и разъехались.

Через полчаса Ханна и Майк вернулись к могиле, где Свенссон всё ещё стоял, безучастный. Рабочие тем временем установили надгробия и ушли. Ханна и Майк остановились в нескольких метрах от него. Он по-прежнему не шевелился.

— Что он делает? — спросила Ханна через несколько минут.

Майк пожал плечами, но выглядел обеспокоенным.

— Пойдём к нему, — наконец решил он.

Их шаги по гравийной дорожке, должно быть, были слышны издалека, но Свенссон не обернулся — он даже не пошевелился.

— Свени, — тихо позвал Майк.

Свенссон молчал и не двигался, лишь едва заметно кивнул, продолжая смотреть на надгробия.

На простых чёрных камнях с лёгким металлическим блеском были выгравированы лица Лизы и Мишель — всего несколькими штрихами. Тот, кто это сделал, вложил в работу душу: изображения казались живыми. Кроме этого, на камнях были только их имена, даты рождения и даты смерти. Каким-то неуловимым образом эти камни отражали тоску живых по ушедшим.

— Это были похороны твоей семьи. Что это вообще было? — с упрёком спросила Ханна.

Она и сама знала, что не должна этого говорить, но не смогла сдержаться — так безучастно он стоял. Тем не менее Ханна старалась, чтобы её голос не звучал слишком жёстко. Свенссон не ответил, и она уже хотела продолжить, но Майк предупреждающе положил ей руку на плечо. Прошло несколько минут. Свенссон медленно повернул голову.

— Я уже похоронил их в аэропорту, — глухо сказал он. — Здесь, — он слегка ударил себя рукой в грудь. — Вдруг он опустился на колени и коснулся надгробий. — Это очень красивые камни, — тихо сказал он. — Спасибо, Ханна.

†

У Ханны перехватило дыхание.

— Они были и моей семьёй, — тихо ответила она, опустилась на колени рядом с братом и обняла его.

Она почувствовала, как он напрягся, и прижала его к себе. На мгновение он попытался сопротивляться, но затем уступил, и она прижала его голову к своей груди.

Время шло. Ханна почувствовала, как что-то маленькое и влажное коснулось её руки, прежде чем брат заставил себя дышать медленно, глубоко и ровно. Затем он расслабился и начал подниматься. Не отпуская его, Ханна поднялась вместе с ним и посмотрела ему в лицо. По его щеке всё ещё текла слеза. Он попытался отвернуться и стереть её рукавом. Ханна заставила его посмотреть на неё.

— Я здесь, — сказала она. — Я с тобой, Марк.

Он кивнул и наконец обнял её в ответ. Через некоторое время он отстранился и посмотрел на Майка. У его друга стояли слёзы в глазах.

Без слов они покинули кладбище.

Глава 13

Похороны стали для Свенссона тем моментом, после которого он уже не мог представить, какой будет его жизнь дальше. К счастью, у него ещё оставались дела, хотя он больше не видел смысла ни в чём. Но если бы ему нечем было

заняться, он бы просто сошёл с ума. Ему нужен был хотя бы видимость чего-то осмысленного.

†

Он просыпался обычно около полудня и принимался за свои дела. Он тупо выполнял их одно за другим.

Риелтор предложил ему купить квартиру, и он, почти не раздумывая, согласился. Причина была проста — оформить это было сложнее, чем договор аренды. Погружаясь в бюрократические процедуры покупки недвижимости, Свенссон параллельно занимался вопросами, связанными с деньгами. То, что осталось после покупки квартиры, он распределил. Прежде всего он открыл для Ханны образовательный фонд. Часть суммы он отложил на отдельный счёт — чтобы купить Ханне машину и потому что хотел дать что-то Майку. Когда с этим было покончено, Свенссон решил подарить родителям круиз. Они давно мечтали о нём, но всё откладывали — в основном потому, что поддерживали его во время обучения. Он принял их помощь, теперь хотел расплатиться. Это закончилось ссорой, потому что родители не хотели брать его деньги. Свенссон просто оборвал разговор, ушёл, не сказав ни слова, и перевёл деньги на их счёт. Когда отец позвонил, чтобы снова отказаться, Свенссон лишь спросил, что ему тогда с ними делать, и положил трубку. В конце концов родители приняли деньги, и к большому облегчению Свенссона больше никто об этом не говорил. Оставшиеся средства он вложил так, чтобы жить на проценты. Это было значительно

меньше его прежней зарплаты, и из этого ещё нужно было платить за медицинскую страховку, но для него одного этого хватало.

После этого он смог заняться переездом. Покинуть старую квартиру было больно. Свенссон взял с собой только одежду, книги и компакт-диски, документы, электронику и несколько памятных вещей — всё остальное он оставил.

†

Пока Свенссон занимался всеми этими делами, ему было терпимо — по крайней мере днём. Но когда всё было закончено, пустота вернулась и ударила с ещё большей силой. Свенссон не знал, что ему делать, чтобы бессмысленные дни проходили быстрее. Ему ничего не хотелось, он не хотел даже ездить на мотоцикле. Он проводил время перед телевизором, бессмысленно переключая каналы. Ему было совершенно всё равно, что там показывают — лишь бы не думать ни о чём. Он понимал, что это плохо для него, но ему было безразлично. К книгам он даже не притрагивался, хотя раньше всегда много и с удовольствием читал.

Он просто ждал ночи, а потом, совершенно измотанный, падал в постель. Если ему везло, сон был лишь глубокой чёрной пустотой. Если нет — он снова и снова видел во сне, как Боинг врежется в землю, видел тела своих жены и дочери, безжизненно лежащие на полу ангара. Он просыпался ещё более уставшим, чем накануне, и весь день боролся с усталостью, чтобы она не одолела его и он не уснул — потому что

следующая ночь тогда становилась ещё хуже предыдущей.

Если ему удавалось продержаться до вечера, ночь приносила то облегчение, которого он ждал. Но этот ритм держался недолго, и уже через одну-две ночи он снова видел падение самолёта, просыпался и снова засыпал — лишь для того, чтобы снова увидеть свою мёртвую семью.

†

Через несколько недель Свенссон подумал о том, чтобы снова пойти работать — чтобы сбежать от этого гулкого ничто.

Но уже первый день в мастерской подтвердил его предположение: он больше не был способен вежливо и приветливо разговаривать с людьми о каких-то проблемах с машинами или даже просто крутить гайки, а его семья была мертва.

Работа не принесла облегчения. Наоборот, она стала нагрузкой — и разговоры с клиентами, и любые неполадки, если что-то не получалось с первого раза. Достаточно было, чтобы сорвался болт, — и он бросал всё и уходил.

Он перестал появляться в мастерской.

†

Свенссон ни с чем не мог вернуться к прежнему ритму жизни, всё казалось ему совершенно бессмысленным, пустым и лишённым всякого смысла.

Когда он наконец смог переехать в новую квартиру, он вцепился в необходимость обустроить её, как в цель, достижение которой требовало от него всех сил. Он хотел всё де-

лать сам и растянуть это как можно дольше.

Глава 14

Через несколько дней, проведённых в квартире в одиночестве, Свенссон вдруг больше не выдержал — ему захотелось выйти подышать свежим воздухом. Он почти выбежал наружу и пошёл в парк, который находился неподалёку. Он почувствовал странную, почти забытую с детства потребность — смотреть на деревья, качающиеся на ветру, и слушать их.

†

Свенссон резко остановился, услышав голос девочки. Воспоминание захлестнуло его, и он почти физически ожидал, что в следующее мгновение Мишель выбежит из-за куста у дороги — с развевающимися волосами, с улыбкой — и обнимет его своими маленькими ручками. «Папа», — радостно скажет она, он почти слышал её голос. В животе снова стало больно. Свенссон споткнулся. Он закрыл глаза и покачал головой, пытаясь избавиться от воспоминания и боли. Он медленно пошёл дальше, как загипнотизированный. Свернув за угол, он оказался на большой детской площадке.

Маленькая девочка карабкалась по игровому сооружению. Свенссон снова остановился и какое-то время смотрел на ребёнка. Девочка, по крайней мере с этого расстояния, была до поразительного похожа на Мишель. У неё были такие же светло-русые волосы до плеч, она двигалась так же,

у неё был такой же милый писклявый голос. И на ней было такое же платьице.

Тоска по дочери снова захлестнула Свенссона. Оглушённый, он огляделся. В нескольких метрах стояла скамейка. Свенссон подошёл к ней и сел так, чтобы видеть девочку. Он смотрел, как она играет, и воспоминания о дочери проносились у него в голове. Слишком быстро — как запах, который напоминает детство, но слишком неясен, чтобы воссоздать в памяти картину счастливых дней. Только рвущее, дикое желание, хотя бы ещё раз подержать дочь на руках, была пронзительно реальным. Как и уверенность в том, что он никогда больше её не увидит — её, ставшую центром его жизни. Ценность того, что у тебя было, понимаешь только тогда, когда этого больше нет.

Свенссон сидел, смотрел на девочку, и для него перестало существовать время. Он не замечал, как мать ребёнка, сидевшая в тени дерева на покрывале, снова и снова смотрела в его сторону, а затем бралась за телефон. Для Свенссона существовала только девочка, даже несмотря на то, что боль, которую вызывал этот вид, он ощущал каждой клеткой своего тела.

По крайней мере это означало, что он ещё жив — какой бы ни была ценность этого. Свенссон снова захотел оказаться в том самолёте.

†

У комиссара полиции Хагера закончилась смена. Он ра-

довался тому, что пойдёт со своими двумя детьми есть мороженое. Перед уходом он ещё раз заглянул в дежурную часть, чтобы попрощаться. Молодая коллега, разговаривавшая по телефону, увидела его и сразу энергично поманила к себе. Уже жалея, что вообще сюда зашёл, Хагер подошёл к ней.

— Подождите, пожалуйста, — сказала полицейская в трубку и прикрыла её рукой, затем повернулась к Хагеру. — Вы ведь занимались делом о типе, который приставал к маленьким детям, в районе Мюленштрассе? — спросила она. — Хагер кивнул. — Тут на линии мать, она с дочерью в парке неподалёку. Говорит, там на скамейке сидит мужчина и уже двадцать минут просто смотрит на её дочь.

Если Хагер что-то и ненавидел до глубины души, так это людей, которые причиняли вред детям. Его раздражение мгновенно исчезло.

— Где это? — спросил он.

Полицейская повторила вопрос в телефон.

— Парк на Гамбургер Аллее.

— Это в пяти минутах отсюда. — Хагер на секунду задумался, затем поставил сумку. — Я поеду туда. Если что-то изменится, позвоните мне.

О том, чтобы коллега записала номер и имя женщины, он не сказал — она и так это знала. Хагер вышел и направился к машине.

Всё было так, как сказала коллега. Тип сидел на скамейке и смотрел на девочку. Он был молод, коротко подстрижен,

без татуировок, насколько Хагер мог видеть. Одет непринуждённо: джинсы, белая футболка, поверх — расстёгнутая рубашка. Никаких вещей при нём не было. В показаниях свидетелей говорилось о пожилом мужчине с длинными волосами. Но показаниям никогда нельзя было полностью доверять. Подходя к скамейке, Хагер увидел женщину, которая всё ещё говорила по телефону. Она посмотрела на него. Он коротко кивнул ей и жестом показал сохранять спокойствие. Женщина что-то сказала в телефон и убрала его. Хагер сел на скамейку рядом с мужчиной. Тот сидел, слегка повернувшись в сторону, чтобы лучше видеть девочку, и не обращал на полицейского внимания. Хагер незаметно рассмотрел его поближе, затем откашлялся.

— Погодка сегодня, — сказал он. — Мужчина не ответил. Хагер повернулся в сторону ребёнка. — Красивая девочка, правда? — сказал он громче.

— Прекрасная, — прошептал мужчина.

— И? — поинтересовался Хагер. — Что вы тут делаете?

— А вам какое дело? — спокойно, не оборачиваясь, но уже не шёпотом ответил мужчина.

— А мне есть какое, — сказал Хагер и левой рукой показал ему перед лицом своё служебное удостоверение, правая была рядом с бедром.

Мужчина бросил взгляд на удостоверение и повернулся.

— Я что-то нарушил? — без эмоций спросил он.

Хагер увидел боль в его серых глазах, но не был в этом

полностью уверен.

— А вы как думаете? — спросил он в ответ. — Мужчина только вопросительно посмотрел на него. — Вы уже полчаса смотрите на эту девочку.

Пока он говорил, он уловил движение краем глаза. Он коротко взглянул и увидел, что женщина подошла ближе. Она молча остановилась за спиной мужчины.

— Это запрещено? — спокойно начал мужчина, но затем понял ситуацию. — Она похожа на мою дочь и на ней такое же платье. Я не хотел ничего плохого. Я просто скучаю по своей.

Хагер видел по его глазам, что тот говорит правду, но женщина этого не видела. Она заговорила прежде, чем Хагер успел что-то ответить.

— Да неужели? — её тон был резким, она явно была очень энергичной женщиной. — Тогда идите к своей дочери, а не пяльтесь на чужих детей!

Мужчина повернулся к ней. Он, казалось, хотел что-то сказать, но посмотрел мимо неё и замолчал. Маленькая девочка подошла, с куклой под мышкой, и взяла мать за руку.

— Я не могу, — тихо сказал мужчина, глядя только на девочку.

— Тогда не надо было её бросать! — теперь женщина говорила уже откровенно возмущённо.

Мужчина слегка покачал головой.

— Она и моя жена умерли, — прошептал он. Слеза ска-

тилась по его щеке. Он быстро вытер её и кашлянул. — Извините.

Несколько секунд стояла тишина. Мужчина ещё раз посмотрел на девочку и опустил взгляд. Девочка удивлённо оглядывалась с широко раскрытыми глазами. Она не понимала, почему её мать только что почти кричала, а теперь смущённо молчит и так крепко сжимает её руку.

— Простите, пожалуйста, — пробормотала женщина.

— Вы всё сделали правильно, — ответил мужчина. — Женщина и Хагер молчали. Мужчина посмотрел на него. — Я могу идти?

— Вообще-то я должен знать, кто вы, — ответил Хагер.

Мужчина молча достал бумажник и открыл его. Хагер мельком увидел фотографию молодой женщины с девочкой на руках внутри бумажника. Мужчина вынул удостоверение личности и передал его Хагеру. Тому было не по себе от мысли, что приходится устанавливать личность в такой ситуации. Он отошёл на несколько метров в сторону и позвонил в дежурную часть. Разговор длился несколько минут. Женщина не ушла, она стояла рядом со скамейкой, крепко держала дочь и явно чувствовала себя неловко. Мужчина отвернулся, смотрел вдаль и курил. Наконец из дежурной части подтвердили данные — всё совпадало. Хагер глубоко вздохнул, вернулся и протянул мужчине его документ.

— Господин Свенссон, извините, но вы должны понять...

— Всё в порядке, — ответил Свенссон уже довольно по-

спешно; он, по-видимому, не хотел слушать извинений. Он посмотрел на девочку. — Она ангел, правда? — по его лицу скользнуло что-то вроде улыбки. — Благодарите Бога за каждый день с ней. Берегите её. Они такие хрупкие.

Он резко зажмурился. Мгновение спустя он посмотрел на малышку, которая смотрела на него широко раскрытыми глазами, и попытался ей улыбнуться. Затем он молча ушёл. Женщина посмотрела на полицейского.

— И что? — спросила она.

— Всё подтверждается, — ответил Хагер. — Его жена и дочь недавно погибли в авиакатастрофе. Девочке было пять лет.

— О боже, — сказала женщина.

Хагер посмотрел на девочку.

— Сколько лет вашей? — спросил он.

— Три... — ответила женщина.

Затем она почти рванула ребёнка вверх и крепко прижала к себе.

— Вы видели фотографию в его бумажнике? — спросил Хагер. — По-моему, у его дочери действительно было такое же платье, как у вашей.

— Да, верно, — голос женщины дрогнул, и в её глазах заблестели слёзы. — Это, должно быть, ужасно для него.

Хагер кивнул. Его сердце разорвалось бы, случись что-нибудь с его детьми.

— Родители не должны переживать своих детей, — сказал

он.

Возвращаясь к машине, он впервые за более чем двадцать лет помолился Богу и горячо поблагодарил Его.

Урим

(Огни)

Глава 15

В одну из суббот ранним утром Майк пришёл помочь Свенссону с ремонтом его квартиры. Предложения помощи от сестры и родителей Свенссон неизменно отклонял — рядом с семьёй он ясно чувствовал, как сильно они страдают вместе с ним. Майк в этом смысле был другим. Свенссон знал, что его друг так же страдает и за него, и вместе с ним, но Майк почти не показывал этого, хотя это стоило ему больших усилий. Помощь Майка Свенссон принял с благодарностью — он скучал по своему другу.

†

Весь день они клеили обои. Если Свенссон чего не переносил, так это клеить обои. Это было как всегда, когда они работали вместе. Они понимали друг друга без слов, а если возникала проблема, они обсуждали её по делу. В остальном почти не разговаривали. С Майком Свенссону было гораздо проще.

К вечеру они закончили. Уставшие, они сидели на полу в гостиной.

— Есть ещё желание прокатиться? — без особого энтузиазма спросил Свенссон.

Майк скривился. У него тоже сильно болела спина, и на самом деле ему уже не хотелось двигаться. Не то что думать о поездке на мотоцикле.

— Куда? — спросил он без всякого желания.

— Поесть.

— Вообще-то нет, — решил Майк и покачал головой.

— Ладно, тогда закажем, — с облегчением сказал Свенссон, беря телефон. — Что хочешь? Пиццу, гирос, китайскую еду?

Он уже несколько дней питался так: кухни у него не было, да и готовить он не умел. Поэтому номера всех служб доставки поблизости были сохранены у него в телефоне.

— Думаю, гирос, — улыбнулся Майк. — Как раньше.

Как раньше, подумал Свенссон. Тогда, когда они оба ещё не были женаты, они при любой возможности ели гирос. Позже их жёны имели что сказать по поводу сильного запаха дзадзики.

— Окей, — Свенссон коротко улыбнулся. — Гирос и картошку фри и всё, что полагается?

Майк кивнул, а Свенссон уже набирал номер.

— Свени, — начал Майк, когда тот сделал заказ. — Ты вообще куда-нибудь выходишь?

— Нет, — резко ответил Свенссон.

— Почему? — всё же спросил Майк.

Свенссон это понимал. Его друг переживал за него. Майк долго оставлял его в покое, но в какой-то момент хотел узнать, как он.

— Мы рано поженились, — задумчиво сказал он. — Я когда-то думал: если бы остался один, мотался бы, знакомился с женщинами и всё такое. — Он пожал плечами. — Теперь я один. У меня больше нет грязных рук, денег хватает, и вообще я, по идее, неплохая партия. Но что-то меня не пускает. Я всё время думаю о том, как Лиза всегда улыбалась мне и говорила: «Марк, я так тебя люблю». Она всегда говорила это с такой радостной улыбкой. А потом добавляла, что благодарит Бога за то, что у неё есть я.

— Ты справляешься? — спросил Майк.

Свенссон не стал раздумывать — перед другом ему не нужно было держаться.

— Не очень. Дед, в чём вообще смысл всего этого? Я ещё тогда задавался этим вопросом, а теперь — ещё больше: за что Лиза вообще меня любила? — Свенссон беспомощно почесал лоб. — За что?

Майк посмотрел на него.

— В последнее время я часто думаю о Лизе, о том, как она верила в Бога. Должно же в этом что-то быть, Марк, иначе всё это действительно не имеет ни смысла, ни ценности, вообще ничего, — начал он, но тут же неуверенно замолчал.

Свенссон посмотрел на него беспокойным, почти лихорадочным взглядом.

— Может быть. Но я этого не вижу.

В этот момент в дверь позвонили. Свенссон вскочил и открыл. Запах еды быстро перебил запах клея.

— Только сейчас понимаю, как я проголодался, — сказал Майк. — Приятного аппетита, Свени, и спасибо.

— Не за что, — ответил Свенссон и тоже начал есть. — Это я тебе спасибо. — Он окинул взглядом стены. — Ненавижу клеить обои, Майк.

— Да не за что, — ответил его друг с набитым ртом.

†

— Ох, как хорошо было, — сказал Майк, когда закончил.

Неповоротливо он собрал мусор. Затем они молча сидели рядом и медленно допивали свои бутылки. Сумерки сгущались. Свенссон смотрел на стену, которая постепенно расплывалась у него перед глазами. Майк встряхнулся и встал.

— Давай выйдем на балкон, — предложил он. — Здесь нужно как следует проветрить. А то у тебя во сне голова разболится.

Они вышли.

Вечер был прекрасный, как и всё лето в этом году. Майк облокотился на перила и посмотрел вниз, в сад. Свенссону досталась действительно хорошая квартира. Она была старая и небольшая, зато недорогая и в зелёном районе. Мишель бы порадовалась саду. Свенссон сжал челюсти — он, похоже, подумал о том же.

— Хочешь, помогу на следующей неделе? — быстро спро-

сил Майк, чтобы отвлечь его. — У меня ещё отгулы за переработки.

— Оставайся с семьёй. Я буду делать всё понемногу, хоть какое-то занятие будет, — ответил Свенссон. — И на следующей неделе мне всё равно на работу.

Он улыбнулся тому, как это звучало. Майк тоже.

— В смысле, где? — спросил он.

— На фирме. Местные автодилеры снова устраивают день автомобилей в районе. Значит — машины мыть, пылесосить, полировать, перегонять. Может, Каплер что-нибудь продаст. — Свенссон снова улыбнулся. — Господи, как же я это ненавидел — ещё когда был учеником, да и потом все эти годы.

— Но тебе же не обязательно мыть, да?

— Обязательно. Это самое простое. Полировать будет Ян, а старик займётся салоном. Но это всё только с среды. В понедельник мне надо перебрать двигатель — жрёт масло, зараза. — Свенссон задумался. — Вообще-то я даже рад, это хорошая работа, не эти вечные замены масла, выхлоп, тормоза. И никто меня при этом не будет дёргать. А всё остальное, из-за этой выставки, я делаю только чтобы малой один не надорвался. — Он сделал паузу. — И деньги мне тоже нужны.

Это прозвучало немного смущённо.

— У тебя есть деньги, — с улыбкой сказал Майк.

— Есть, — согласился Свенссон, — но проценты небольшие, да и вложить ещё кое-что нужно. — Он кивнул в сто-

рону окна. — Шторы. Тьфу. Но Ма мне устроит, если я не куплю.

На мгновение всё было как раньше — и они рассмеялись. Потом этот момент прошёл.

Глава 16

Время после катастрофы было кошмаром. Соня, конечно, вышла на следующую смену и на следующую после неё, но ничего уже не было как прежде. Картины того воскресенья не отпускали её.

Когда она об этом думала, она знала, что всё сделала правильно, но чужое горе всё ещё давило на неё. Она понимала, что не должна себя винить. Это почти успокаивало её, но затем она неизбежно снова вспоминала Свенссона — и чувство вины возвращалось.

Не только из-за этого мужчины, но главным образом из-за него. Она оставила его наедине с его болью, забыла о нём — о том, кто уже всё потерял. Что происходило в нём в те часы? И он не мог ни с кем поговорить, всё это время он был один. Уже одна эта мысль была для Сони невыносима, и всё хорошее, что она тогда сделала для других, на этом фоне блекло. Конечно, она могла бы сделать для других гораздо больше, но она не была для этого обучена. А вот за то, что она сделала Свенссону, она несла ответственность.

Начальник Сони видел, что ей очень плохо, и отправил

её в двухнедельный отпуск. Когда она вернулась, начальнику всё ещё казалось, что она не в себе. Поэтому он буквально натравил на неё Винкера.

†

После разговора со Свенссоном Дирк Винкер стал задумчивее и менее уверенным в себе. Он старался изо всех сил помочь Соне. У него это получилось — почти. Он смягчил её чувство вины по отношению к родственникам пострадавших. Но с тем, что касалось Свенссона, он ничего сделать не мог, сколько бы они об этом ни говорили. В конце концов Соня попросила у него адрес Свенссона.

— Зачем он вам? — спросил Винкер.

Соня пожала плечами.

— Не знаю. Может, убедиться, что с ним всё в порядке.

— Она замолчала. — Что он больше не злится на меня...

Винкер покачал головой.

— Он никогда на вас не злился — ни из-за того, что ему пришлось так долго ждать, ни из-за того, что вы не занялись им. Он вообще ни на кого не злился, в этом и проблема. Даже на судьбу. — Винкер потёр лоб. — Я так и не понял этого типа. Мои коллеги тоже. Мой профессор даже заинтересовался им, когда я рассказал о нём. Мы позвонили ему, чтобы подробнее с ним поговорить. — Винкер вздохнул. — Он всё сразу понял и с ледяной вежливостью дал нам понять, чтобы мы держались от него подальше. Сказал, что он не подопытный кролик. Нет, ему не помочь. Он пережил первые трид-

цать дней... — он сразу заметил недоумение Сони. — Когда мужчины теряют жён или детей, особенно в первые тридцать дней после этого у них высокий риск самоубийства, — объяснил он. — Или это происходит гораздо позже, когда кажется, что всё уже позади, — добавил он.

— Но я, честно говоря, хочу помочь больше себе, чем ему, — прошептала Соня и устыдилась этого.

— Ох... — Винкер растерялся. — Простите, я не могу передавать такие данные.

— Хотя бы адрес, — попросила Соня.

— Не могу. Врачебная тайна, понимаете?

Последнюю фразу Винкер добавил, чтобы придать своим словам больше веса, потому что сам чувствовал неуверенность. С тех пор как он поговорил со Свенссоном, во многом он стал сомневаться, и он думал — не без основания, — что это заметно другим. Винкеру было явно неловко, поэтому он прятался за профессиональной этикой.

— Совсем никак? — переспросила Соня.

Винкер с сожалением покачал головой. Соня коротко попрощалась и пошла в свой кабинет, села за стол и задумалась. Всё, что сказал Винкер, было, по сути, правильно. Свенссону она не нужна, он, по-видимому, вообще ни в ком не нуждался. Но сама Соня, похоже, нуждалась в Свенссоне, чтобы снова обрести внутренний покой.

Почему же она тогда не запомнила его адрес? *Кто ещё мог бы его знать?* подумала она. Она подняла трубку и набра-

ла номер, ещё до того, как мысль в её голове окончательно оформилась.

— Федеральное управление по расследованию авиационных происшествий, — ответил женский голос на том конце линии.

— Аэропорт Эмден, Соня Бауман, здравствуйте.

— Здравствуйте, госпожа Бауман, чем могу вам помочь?

— Речь идёт о крушении у нас три месяца назад. Мне нужно кое-что уточнить. Можете соединить меня с одним из следователей, которые тогда здесь были — Бюрстнером или Ландманом? — попросила Соня.

— Секунду, пожалуйста.

Пожалуйста, пусть они будут на месте, — мысленно взмолилась Соня.

— Бюрстнер, — раздалось в трубке.

Слава богу!

— Соня Бауман, аэропо...

— Здравствуйте, Соня! — Бюрстнер, похоже, обрадовался. — Как у вас дела?

— Хорошо, спасибо. А у вас?

— Спасибо, спасибо. Чем могу быть полезен?

— Вы помните Свенссона?

— Да... — голос Бюрстнера сразу стал глуше.

— Мне нужен его адрес или хотя бы номер телефона.

— Зачем?

Соне нечего было сказать. Разве что правду.

— Я не могу спать...

Бюрстнер замолчал. Пауза затянулась. Соня ждала и слышала, как он тяжело дышит. Затем она услышала, как он стучит по клавиатуре.

— Свенссон, Марк, — забормотал Бюрстнер, — двадцать девять лет, проживает в Ольденбурге... — Соня схватила ручку и поспешно начала записывать. — Страшное дело с его семьёй, — закончил Бюрстнер. — Он дал хорошие показания.

— Да, — рассеянно ответила Соня. — А номер телефона?

— Он отказался его нам давать. Я имею в виду мобильный. Другой, сказал он, есть в телефонной книге. — Бюрстнер вздохнул. — Но он нам больше не был нужен, его показания были хорошими, добавить было нечего.

— Хорошо. Большое спасибо, — тепло поблагодарила Соня.

— Передайте ему от меня привет, — сказал Бюрстнер и попрощался.

†

Телефон по этому адресу Соня быстро узнала через справочную, но соединять Соня не попросила. Время шло, а она всё сидела перед листком с номером Свенссона. Она хотела продумать, что ему скажет, но не могла сосредоточиться.

— Привет, Соня, ты что ещё здесь делаешь?

Коллега со второй смены зашла в кабинет, чтобы взять себе чашку нормального кофе — не той бурды из автомата и не

дорогого из какого-нибудь кафе, который, впрочем, ничем не лучше домашнего.

Соня посмотрела в правый нижний угол экрана на своём столе. Было почти семь вечера. Её смена закончилась уже два часа назад.

— Да так, ничего особенного, — уклонилась она. — Просто кое-что по личным делам.

Коллега внимательно посмотрела на неё.

— Ладно, — сказала она сочувственно, — мне пора.

Соня почти час сидела в нерешительности, прежде чем наконец набрала номер.

— Кох, — ответил женский голос.

Соня растерялась.

— Я думала... мне нужен Марк Свенссон, пожалуйста, — пробормотала она.

— Нет, вы ошиблись. Здесь нет никаких Свенссонов.

— Но...

— Подождите, — сказала женщина. — Кажется, так звали нашего прежнего жильца.

— У вас... — запинаясь, сказала Соня, — вы не знаете номер?

— Нет, у меня ничего нет — ни номера, ни адреса.

— Ах... — вздох вырвался у Сони сам собой.

— Позвоните нашему домовладельцу, может, он знает больше, — предложила женщина и продиктовала номер.

Соня поблагодарила её. С новой надеждой она позвонила

домовладельцу. Он взял трубку после второго звонка. Но так же быстро, как он ответил, он разрушил надежду Сони.

— Нет, он ничего не оставил, у меня нет его номера, — сказал он с сожалением.

— Что же мне теперь делать? — спросила Соня больше сама себя.

— Он работает в небольшой автомастерской, недалеко отсюда, попробуйте там. Фирма на Клоппенбургер-штрассе, начинается на К-А или К-О или вроде того. В общем, что-то на К.

Соня поблагодарила и положила трубку. Затем она открыла телефонный справочник в интернете. Сведения домовладельца подтвердились, и через несколько минут Соня нашла номер мастерской. Она сразу же набрала его, но никто не ответил. Соня на мгновение растерялась, но потом вспомнила, что уже довольно поздно. Наверное, они уже закончили работу. Соня успокоилась. Завтра у неё был выходной, и она сможет заняться этим спокойно.

Следующий день был воскресенье.

Глава

17

Свенссон почти всю ночь не спал и таращился в телевизор, ничего толком не воспринимая, пока у него не начали слипаться глаза. Его расчёт оправдался — ему удалось поспать, но уже в шесть утра он снова проснулся. Некоторое время он пытался снова заснуть, потом сдался и пошёл в ван-

ную. Когда он закончил, было только семь. Около половины восьмого, когда он уже собирался выходить из квартиры, зазвонил мобильный.

Это был Каплер. Он сказал, что клиент из-за нехватки денег отложил ремонт двигателя на неопределённый срок. Они договорились на среду и четверг, и Каплер повесил трубку. Свенссон снова бросился на кровать в полутёмной комнате.

Но по-настоящему заснуть он уже не смог. Через час он снова поднялся. Его квартира выглядела ужасно. Ни напольного покрытия, ни мебели — только несколько коробок с книгами и два синих мешка с его одеждой. Работали только телевизор и кровать. Свенссон прикинул в уме свои финансы. Ламинат для комнат и ПВХ для кухни — на это денег должно хватить. Уже в строительном магазине он вспомнил, что ему ещё нужна циркулярная пила. У его тестя была такая.

Теперь бывший тесть, правильно, подумал Свенссон.

Он взял циркулярную пилу напрокат. Дома он порадовался этой мысли. Визг пильного диска почти полностью заглушал гул у него в голове. Постепенно он терял себя в этом шуме. Он перестал работать только тогда, когда к нему позвонил сосед снизу и сказал, что уже после десяти вечера.

— О, — сказал Свенссон подавленно, — извините.

Он закрыл дверь и посмотрел на темнеющую квартиру. Гостиную и спальню он сделал полностью, а в другой комнате только начал. Вот тебе и растянуть, подумал он с досадой.

Зато я устал, отметил он тут же с некоторым облегчением. Впервые за несколько недель он лёг спать, не просидев перед телевизором часами. Он сразу заснул — и на этот раз ему ничего не снилось.

Глава 18

Марайке Зандов гордилась собой. В двадцать шесть лет у неё уже было профессиональное образование и законченное вузовское экономическое обучение. Выпускные экзамены она всегда сдавала блестяще, и едва закончив учёбу, получила работу в компании по продаже женской модной одежды. Фирма находилась, к сожалению, не в городе, а в промышленной зоне, но зато должность была перспективной. Если она будет достаточно усердно работать, Марайке рассчитывала на хорошие возможности для продвижения, а позже, когда наберётся опыта, сможет со спокойной совестью перейти в фирму своего отца. Пока её взяли в отдел маркетинга как коммерческого сотрудника, но так это надолго не останется.

Марайке нравилось, как она выглядит в своих строгих костюмах, с неброскими шейными платками, с блокнотом и телефоном в руках. Она работала здесь всего четыре месяца и уже довольно хорошо ладила с коллегами и, что ещё важнее, со своими начальниками. Она приспособливалась к своей среде, становилась всё увереннее — и это отражалось в её манере держаться. Она считала, что некоторая доля высоко-

мерия была успешной женщине просто необходима.

†

Марайке и её коллеги по офису в обеденные перерывы любили выходить на улицу, тем более что лето в этом году выдалось таким хорошим. Они говорили о деньгах, одежде и мужчинах. Иногда появлялись водители грузовиков, которые привозили или забирали товар, и тогда они шушукались о них. Но в большинстве случаев это были более или менее нескладные мужчины постарше. Единственный, кто привлекал внимание Марайке, был один из двух парней из небольшой автомастерской по соседству.

Он был ростом около метра семидесяти и выглядел довольно молодо. Как и многие невысокие люди, он держался очень прямо, но у него это не выглядело напряжённо, как будто он хотел казаться выше. У него это выглядело естественно — это шло от внутренней уверенности, а также от того, что у него была спортивная фигура. Он был крепкого сложения, с широкими плечами и при этом стройный. Его вытянутое, угловатое лицо с тонкими губами, обрамлённое короткой бородой, всегда выглядело целеустремлённым. Его светлые волосы были тоже коротко острижены.

Марайке однажды подумала, не изобразить ли ей разряженный аккумулятор, но коллеги скривились — не собирается же она связываться с каким-то грязным механиком. Тогда Марайке пока отказалась от этой идеи, но парень по-прежнему её интересовал. Она уже несколько недель не ви-

дела его, но на этой неделе он уже второй день подряд мыл машины рядом с мастерской.

— Смотрите, Марейкин тип вообще-то не так уж плох, — сказала Зильке, стоявшая у открытого окна и делавшая перерыв на сигарету.

Марайке и ещё одна коллега подошли к ней.

— И правда, — сказала Аня.

Парень мыл одну машину за другой. Он, вероятно, снял футболку из-за изнуряющей жары и был только в старых, выцветших, грязных джинсах и обуви. Он был хорошо сложен, мускулист, но в целом выглядел скорее сухим и жилистым. Его мышцы были естественными, не накачанными, на теле не было ни грамма лишнего жира. Он двигался быстро, сосредоточенно и плавно и напоминал сжатую пружину.

Марайке всё это напомнило сцену из не самых притягательных книг или фильмов, в которых богатая женщина наблюдает за работающим садовником. Марайке внутренне улыбнулась. Да, она была богата — точнее, её семья была богата, — но на этом сходство заканчивалось. Тот тип внизу не был ни садовником, ни чистильщиком бассейна. Он не был загорелым и не носил длинные чёрные волосы. И — он не позировал, не выставлял себя напоказ, а работал методично и сосредоточенно. Он, конечно, не знал, что за ним наблюдают, но даже если бы знал, наверняка не стал бы вести себя иначе — в этом Марайке была уверена.

— Пойдёмте работать, — сказала Зильке.

Марайке задержалась у окна ещё на мгновение. Когда она вернулась к своему столу, она заметила, как остальные обменялись насмешливыми взглядами.

Они выполняли свои задачи, но в этот четверг работы было немного, и они вместе решили продлить обеденный перерыв и поесть вне офиса. Когда они шли через двор к парковке, парень начал мыть следующую машину, не обращая на них внимания. Марайке заметила, как Зильке, бросив на неё косой взгляд, хитро улыбнулась. Марайке слегка толкнула её локтем, подмигнула и остановилась, её коллеги тоже. Марайке набрала воздуха.

— Я сейчас пригоню свою машину, помоешь её тоже! — кокетливо крикнула она.

Парень коротко посмотрел вверх. Не похоже было, что он собирается прерывать работу. Коллеги Марайке захихикали. Мужчина — Марайке теперь увидела, что это взрослый мужчина, на несколько лет старше её, — ещё раз коротко посмотрел на неё с холодным безразличием в своих серых глазах, затем внезапно выключил мойку высокого давления.

— Ты человек или только прикидываешься? — спросил он.

Дело было не в том, что он сказал. А в том, как он это сказал. В его тоне звучало презрение и пренебрежение. Ни она, ни её коллеги такого не ожидали.

— Что? — растерянно спросила Марайке.

— Действительно ли ты такая тупая, — уточнил мужчина.

— Чтoooo? — пробормотала Марайке возмущённо и ошеломлённо.

Зильке, которая была старше и куда опытнее, быстрее пришла в себя, чем Марайке.

— Это что ещё такое, ты, тупой ученик? — прошипела она.

— Уже двенадцать лет, — без спешки и без волнения в голосе ответил мужчина, — вы говорите одно и то же. — Короткая насмешливая пауза. — Не можете придумать что-нибудь другое вместо этой глупости? — он буквально издевался над ними. — Вы даже поздороваться не можете. Разве что вам нужна помощь.

Он слегка покачал головой и наклонился, чтобы снова включить мойку. Из-за угла вышел другой, молодой юноша, и остановился.

— Мастер, телефон, — крикнул он.

Мужчина ушёл, не сказав ни слова.

— Какой идиот, — сказала Зильке. В её голосе чувствовалась досада. — Пойдёмте.

Обед прошёл не так непринуждённо и весело, как обычно. Зильке старалась разрядить обстановку шутками, но по крайней мере Марайке оставалась подавленной. Даже вкусный куриный салат не доставил ей удовольствия. Она почти не разговаривала с остальными.

Вернувшись в офис, когда она одна сидела за своим столом, Марайке всё ещё думала об этом мужчине. Ведь это бы-

ла всего лишь шутка, он мог бы ответить как-нибудь легко, вместо того чтобы оскорблять её. Она попыталась поставить себя на его место. Через двенадцать лет такая фраза и правда могла перестать быть смешной или забавной. И в ней была и доля пренебрежения — судя по тому, как он на неё посмотрел. Впервые Марайке почувствовала, что могла кого-то задеть. Это было неприятное чувство. Марайке сама удивилась этому осознанию. Она решила уладить это.

Когда остальные ушли с работы, Марайке сделала вид, что ей нужно ещё кое-что доделать. Через пять минут после того, как все ушли, она вышла.

†

Марайке вошла через открытые ворота в мастерскую. Мужчина стоял у верстака и работал над чем-то, футболку он снова надел. Юноши видно не было. Марайке с облегчением вздохнула.

— Здравствуйте, — сказала она. — Мужчина обернулся и посмотрел на неё, никак не отреагировав. — Я хотела извиниться за то, что было сегодня.

— За что именно? — довольно удивлённо спросил он. — Обычно такие, как ты, — он насмешливо оглядел её с головы до ног, — с такими, как я, не водятся. Разве что у вас машины не едут, — добавил он с пренебрежением. — Тогда вы на минуту становитесь почти милыми.

— Я всё равно извиняюсь, — сказала Марайке.

— Не нужно, — ответил он так, словно это его совсем не

трогало. — В следующий раз просто держи язык за зубами, такие тупые шуточки бесят.

Он коротко, но с нажимом посмотрел на неё своими холодными глазами и уже хотел отвернуться. Это было не то, что Марайке хотела услышать.

— Но... — начала она.

— Что? — Мужчина посмотрел на неё с усталой миной. — Если тебе так станет легче, ладно — я тоже был... не слишком вежлив. Мы в расчёте, — подытожил он насмешливо. — Довольна?

Если ты хочешь меня задеть, у тебя не получится, подумала Марайке и упрямо подняла подбородок.

— Я приглашаю тебя на кофе.

Теперь он действительно удивился. Он даже посмотрел на неё по-человечески.

— Зачем? — спросил он.

— Потому что я всегда исправляю свои ошибки, — сказала Марайке. Он промолчал. — Пожалуйста.

Она говорила искренне. Мужчина посмотрел на неё задумчиво и увидел, что её извинение было серьёзным, и как многого оно ей стоило.

Он вдруг улыбнулся. Перемена в его лице была разительной. Оно больше не было холодным, не было отстранённым, не было пустым, его глаза ожили, и Марайке показалось, будто она видит совсем другого человека. Но его улыбка сразу же исчезла.

— Меня зовут Марайке, — сказала она и протянула ему руку.

Он нерешительно протянул ей своё предплечье.

— Марк, — сказал он с запинкой. — Спасибо за приглашение, но не могу.

Это прозвучало не с сожалением, скорее так, будто ему было жаль её.

К этому она была совершенно не готова. Марайке знала, что хорошо выглядит, даже очень. И обычно всё происходило наоборот — обычно отказы давала она. Она почувствовала себя задетой. Но дело же не могло быть в ней.

— У тебя есть девушка? — спросила она. — Или ты женат?

Мужчина сглотнул и покачал головой.

— Нет, — хрипло выдавил он.

— Тогда что? Гей? — Марайке не понимала.

Он поднял руку, давая ей понять, чтобы она замолчала.

— Нет. Я просто не могу, — сказал он твёрдо и окончательно. — Для него на этом всё было решено. Затем он ещё раз посмотрел на неё и, видимо, понял, что такой поворот её задел. — Это во мне дело. Может быть, когда-нибудь потом.

Марайке бросила на него сердитый взгляд. Ему должно было быть ясно, к чему приведёт это «потом». Она ведь искренне извинилась, и на ещё большие уступки она идти не собиралась. Если он хотел взять реванш — пожалуйста.

— Потом я не смогу, — ответила она вызывающе.

— Хорошо, — тихо согласился он.

— Ну тогда, — сказала Марайке, — пока.

†

Свенссон сразу отвернулся. Он был напряжён. Женщина была такой же стройной, как Лиза, с такими же золотистыми глазами и светлыми волосами, с высоким лбом и выразительными скулами. Она была похожа на женщину, которую он любил больше собственной жизни. Правда, Лиза была как-то естественнее — и поэтому красивее. Но Марайке напомнила ему о Лизе, она снова пробудила в нём тоску по ней. А эту тоску он уже, по крайней мере днём, глубоко в себе подавил. Свенссон покачал головой и заставил себя перестать дрожать.

Ян вышел из раздевалки и пожелал хорошего вечера. Свенссон лишь молча кивнул ему.

†

Марайке остановилась у въезда в мастерскую и задумалась. В этом мужчине было что-то странное. То, как он себя вёл — днём и сейчас тоже, — было для неё новым и непривычным и вызывало у неё интерес. Ей ещё не доводилось иметь дело с мужчиной, который не был бы сразу ею впечатлён. Этот же точно знал, чего хочет, и это была не она. Всё это время его лицо оставалось уверенным и холодным. Оно было словно высечено из камня, без малейшего движения, как и его глаза. Раньше она несколько раз видела его мельком, и тогда он показался ей приятным. Сегодня, на корот-

кое мгновение, когда он улыбнулся, он выглядел так же, как раньше. Что же с ним случилось? Этот тип её оскорбил, отказал ей — так чего она от него ещё хочет? Да, сначала она сама была не слишком любезна. Но она извинилась. А он отказался от встречи, хотя ни с кем не связан. И снова — чего она от него хочет? Её, что ли, привлекает то, что он не такой, как мужчины, с которыми она обычно общалась? То, что он говорил прямо? В её привычной среде никто так себя не вёл. Что в нём такого интересного? Марайке повернулась и посмотрела в мастерскую.

Он стоял неподвижно, опустив голову и опираясь обеими руками о верстак. Над ним поднимался сигаретный дым. Не было похоже, чтобы он радовался своей мести.

Марайке пошла к своей машине. Почему он не может пойти с ней на свидание? Что-то в этом мужчине не отпускало её. Возможно, ей всё-таки стоит когда-нибудь снова с ним заговорить.

Глава 19

В последний школьный день Ханны Свенссон проснулся рано утром. Он ухмыльнулся при мысли о том, что собирается сделать, чтобы лишить сестру дара речи. Он встал и нарочно медленно начал собираться, чтобы убить время, но это не помогало — стрелки часов словно заржавели. С досадой Свенссон решил пойти в банк пешком, чтобы хоть как-то за-

полнить эти часы, тянувшиеся как жвачка. Он сделал крюк через парк, это заняло дополнительные минуты.

В банке Свенссон снял деньги со сберкнижки. Управляющий филиалом присутствовал при этом, потому что сумма была крупной. Свенссон заказал эти деньги за несколько дней до этого.

Остаток утра Свенссон провёл дома. Он попытался читать и даже задремал, но сразу же проснулся. Когда он после неудачной попытки заснуть снова приподнялся на диване, первым делом посмотрел на часы. Было уже после двух, и он с радостью это отметил. Ему всё-таки удалось выиграть несколько минут. Теперь было время — и он позвонил Ханне.

— Ну и? — спросил он, когда она взяла трубку.

— Отлично!

— Я так и знал, — сказал Свенссон. — Ты где?

— Ещё в школе. А что? — спросила Ханна.

— Подожди меня там. Я сейчас за тобой заеду.

— Что ты задумал?

— Увидишь, — сказал Свенссон резче, чем хотел.

— Ладно... — ответила Ханна уже напряжённо.

— До скорого.

†

После первой минуты в машине у Свенссона выступил пот на лбу. Может, стоило купить и себе другую машину — с кондиционером.

Всю дорогу до школы Ханна он методично перебирал в голове разные модели и соотносил их со своими финансовыми возможностями. Для каждой машины, которая приходила ему на ум, он прикидывал, сможет ли сам её обслуживать и ремонтировать.

Хоть что-то я умею делать хорошо, подумал он. И вдруг почувствовал себя уязвлённым.

Но, как всегда, ему становилось легче, как только он видел сестру. Ханна стояла с другими девушками в тени дерева. Свенссон остановился в нескольких метрах, не выходя из машины, и оставил двигатель работать. Его сестра попрощалась с подругами. Когда она шла к машине, одна из девушек помахала Свенссону. Он коротко помахал в ответ. Как только Ханна села, он обнял её, насколько это было возможно сидя.

— Молодец, сестрёнка.

— Спасибо.

Её голос переливался радостью от его похвалы, и она чмокнула его в щёку. Свенссон посмотрел на сияющие глаза и улыбку своей младшей сестры. Его боль почти полностью исчезла, и он широко улыбнулся Ханне. Она сразу расслабилась.

— Что будем делать? — спросила она радостно, как раньше, когда была ещё маленькой и знала, что Свенссон купит ей мороженое.

— Отмечать твой аттестат, — ответил он. — Отлично. Я

горжусь тобой.

Ханна сияла от уха до уха.

— Но я вообще-то хотела, чтобы мы все вместе пошли поесть. Я угощаю, да? Я немного денег накопила. Пойдём в лучший ресторан в городе!

Свенссон видел, как она разрывается. Ей не хотелось ждать, пока все соберутся, но и хотелось, чтобы все были вместе.

— Да, Ханна, так и сделаем. Но сейчас мы с тобой займёмся настоящим мужским делом. — Он сделал паузу. Сестра уже сидела как на иголках. — Какую машину ты хочешь? — спросил он как бы между прочим.

— Правда? — Ханна радостно вскрикнула и хотела броситься ему на шею. Ремень удержал её. — Ну нет, нет, — пробормотала она с досадой.

Она отстегнула ремень и всё-таки сделала это. Свенссон от неожиданности вильнул рулём.

— Осторожно, малышка. Целовать меня будешь потом.

Ханна засмеялась звонко.

— Марк? — Она посмотрела на него. — Скажи это ещё раз, пожалуйста.

Он всегда так её называл, он был старше её на девять лет. До тех пор, пока ей не исполнилось одиннадцать — тогда она серьёзно, почти со слезами, попросила его больше так не называть.

— Малышка, — тихо сказал Свенссон, глядя на неё.

Он не хотел этого, но вся любовь, которую он больше не мог никому дать, была в этом одном слове. Ханна посмотрела на него. Она положила руку на сердце и дышала так, словно оно сейчас разорвётся от счастья. Она молчала, но её молчание сказало Свенссону больше, чем слова. Ханна положила руку ему на шею. Её рука была тёплой и мягкой, как утешение для него.

— Я хотела бы... — начала Ханна, но не договорила. Свенссон понял, что она хотела сказать. Теперь она сидела совсем тихо и выглядела глубоко раненой. — Я бы предпочла, чтобы всё было иначе, — прошептала она.

Свенссон бросил на неё короткий взгляд. Она казалась смущённой из-за своей недавней радости. Он положил руку на её и слегка сжал.

— Я знаю, — ответил он. — Всё в порядке.

Ханна посмотрела на него. Он кивнул — он имел в виду именно то, что сказал. Она прижала его руку к своей щеке.

— А теперь?

— А теперь... — Свенссон встряхнулся, он не хотел омрачать ей радостный день. — Придётся тебе за всех отдуваться.

Ханна посмотрела на него непонимающе.

— В смысле?

— Ты теперь единственная женщина в моей жизни, Ханна. Ну, ты, мама и розы Майка. — Свенссон сам удивился, что смог сказать это так легко. Он снова улыбнулся, на этот раз почти без усилия. — Всё хорошее, что я больше не могу

сделать для Лизы и Мишель, я буду делать для тебя.

Ханна внимательно посмотрела на него. Когда она увидела его улыбку, она оживилась.

Свенссон увидел автобусную остановку, подъехал к ней и остановился.

— Так какую машину? Мы ездим тут по округе, жжём бензин... — сказал он в ответ на её вопросительный взгляд и сам посмотрел на неё.

Она замялась. Свенссон знал это выражение лица. Точно такое же у неё было в детстве, когда он спрашивал, сколько шариков мороженого она хочет. Он с трудом сдержал улыбку.

— Ауди ТТ, — произнесла Ханна, наполовину прося, наполовину вопросительно и слегка прикусила нижнюю губу.

Точно так же, как раньше, когда говорила «три» и ждала его реакции — не слишком ли это нагло. Свенссон хорошо знал свою сестру. Он ничего не сказал и подождал.

— Кабриолет... — добавила Ханна почти угасающим шёпотом и отвела взгляд.

Свенссон дал ей помучиться.

— Думаешь? — спросил он через некоторое время с сомнением. Ханна кивнула, одновременно пожав плечами и уже почти умоляюще глядя на него. *Она действительно хочет эту тачку*, подумал Свенссон. — Ну, не знаю... — протянул он, но долго мучить её не смог. — По крайней мере не Порше.

— Правда? — глаза Ханны стали огромными. — Марк, правда?

Однажды, когда ей было три года, он даже купил ей четыре шарика. Её глаза тогда были такими же большими. Через пять минут её личико было всё в мороженом, поцелуи — сладкими, а руки — липкими. Её взгляд тогда стоил Свенссону той взбучки от мамы из-за испачканного платяца. Теперь Ханна снова радостно пискнула что-то невнятное и снова поцеловала его.

†

Автосалон был огромный. Свенссон остановил свой выдавшую виды Мазду 323Ф девяносто второго года прямо перед стеклянным дворцом, среди отполированных до блеска роскошных седанов. Он и Ханна вошли внутрь и огляделись. Через несколько минут к ним подошёл молодой продавец.

— Могу я вам чем-нибудь помочь? — спросил он небрежно.

— Ага, — ответил Свенссон, — нам бы кабриолет Ауди ТТ.

Он сказал это самым простонародным тоном, на какой был способен. Ханна догадывалась, зачем он это делает, и с трудом сдержала улыбку. Продавец окинул взглядом Свенссона, затем Ханну. Она, конечно, нарядилась к своему последнему школьному дню, но её брат был одет, мягко говоря, слишком небрежно. Старые, выцветшие рабочие джинсы, на левом колене почти протёртые. Старая рубашка,

которую он так любил, даже не была застёгнута. Хорошо хоть под ней была футболка. Поношенные кроссовки завершали его образ. Ханна улыбнулась. Её брат и его друг находили забавным, когда люди их недооценивали. Ханна заметила, как её брат с интересом наблюдает за этим вылизанным юнцом в костюме и галстукe. Она догадывалась, что он понимает, что именно продавец о нём думает. Тот пренебрежительно указал на стойку.

— Буклеты там.

Предположение Свенссона подтвердилось. Он кивнул.

— Вижу, — холодно сказал он. — Пойдём, Ханна.

Продавец удивлённо посмотрел на него. Затем до него дошло, что в посетителе скрывается нечто большее, чем кажется, и он окончательно растерялся.

— Подождите, — попытался он остановить их.

— Нет, — отрезал Свенссон.

Он взял Ханну за руку и вывел её из сверкающего зала продаж.

— Ты это специально сделал! — засмеялась Ханна, уже в машине.

— Да, — подтвердил Свенссон, включая заднюю передачу.

Продавец появился в дверях и примирительно поднял руки, словно прося. Свенссон удостоил его лишь коротким взглядом.

— Неплохо было, — сказал он.

— Тоже так думаю, — засмеялась Ханна. — Сколько раз мы ещё так будем делать?

— Пока не найдём нормального, — пожал плечами Свенссон.

— А если не найдём?

— Поедем в Гамбург. — Он посмотрел на неё искоса. — У тебя времени нет, что ли?

Вот это было почти как раньше, подумала Ханна.

— Я с тобой хоть на край света поеду, — торжественно сказала она. — Лишь бы я получила свою машину. Желательно ещё этим летом, если можно, — добавила она после паузы с хитрой улыбкой.

Свенссон посмотрел на неё с благодарностью.

Следующий дилерский центр Ауди они чуть не проехали. Свенссон недовольно буркнул и резко ударил по тормозам.

— Ну что ж, давай узнаем кое-что о человеческой природе, — сказал он.

В кабинете за столом бумаги раскладывал пожилой, солидный мужчина, когда они вошли. Он отложил стопку и целеустремлённо подошёл к ним.

— Добрый день, — сказал он, одновременно ненавязчиво, но внимательно их осматривая.

Мужчина с небольшим животиком и редующими волосами чем-то напоминал консервативного учителя.

— Мельховски, — представился продавец. — Чем могу вам помочь?

— Ну, нам бы эдакий Ауди ТТ кабриолет, — сказал Свенссон так же, как и раньше.

Мельховски слегка сжал губы.

— Вам? — спросил он.

— Сестре.

— Сестре, понятно. — Мельховски почти по-отечески улыбнулся. Затем в его глазах мелькнуло что-то лисье. — Сложно, — сказал он. — Сроки поставки новых автомобилей сейчас довольно большие — шесть-восемь недель. — Он выжидательно замолчал. Свенссон, засунув руки в карманы, наблюдал за выражением лица сестры — и тем, как Мельховски делал то же самое. — Если цвет для вас не так важен, я мог бы предложить автомобиль с минимальным пробегом после регистрации, если удастся найти, — добавил Мельховски, заметив разочарование Ханны.

— Например? — спросил Свенссон.

— Надо посмотреть. Пройдём? — предложил Мельховски, указал на свой кабинет и пропустил Свенссона и Ханну вперёд. — Такие машины почти не ездили и максимум полгода как зарегистрированы, — сказал он, когда они сели. — Какую комплектацию вы хотите? — спросил он Ханну.

— Я даже не знаю, какие есть варианты, — честно призналась Ханна.

— Я с удовольствием объясню, — с готовностью предложил Мельховски и улыбнулся ей. Затем посмотрел на Свенссона. — До какой цены вы готовы идти? Будете сдавать

автомобиль в зачёт? Планируете кредит?

— Наличными, — ответил Свенссон. — Без зачёта. А вы предлагайте — по цене я скажу, где стоп.

Для уха продавца это, должно быть, звучало как одна из самых приятных мелодий на свете. Мельховски вовлёл Ханну в разговор, полностью игнорируя Свенссона. Было видно, как ему это нравится.

Свенссону вскоре стало скучно, но он решил не вмешиваться и дать Ханне насладиться покупкой.

— Я пройдусь немного, — сказал он и встал.

— Как насчёт тест-драйва? — мгновенно предложил Мельховски.

Мужик действительно был хитёр. По-доброму.

— А что у вас есть? — спросил Свенссон с одобрением.

— А что бы вы хотели?

— Седан с огромной тягой и автоматом. — Свенссон посмотрел на недовольное лицо Ханны. — Ты ничего в этом не понимаешь.

— А8, двенадцать цилиндров? Тянет вполне прилично, — предложил Мельховски.

— И шесть литров объёма. Да я разорюсь на одних только свечах зажигания.

Мельховски рассмеялся.

— А вариант поменьше и подешевле по свечам? — тут же предложил он. — Четыре и два литра, шесть лет, ухоженная?

— М-м... — Свенссон бросил взгляд на Ханну. — Я про-

качусь.

Мельховски позвонил в мастерскую. Через пять минут машина была готова. Механик вошёл и передал Свенссону ключ. Всё это время Ханна сидела напряжённо и не произнесла ни слова, она смотрела в окно и покусывала нижнюю губу. Лишь когда стало ясно, что её брат вот-вот уйдёт, она расслабилась и посмотрела на него.

— Не спеши, — сказал Свенссон. — Я заеду к Майку. Позвони, когда вы здесь закончите.

По лицу сестры Свенссон ясно видел ту самую женскую радость от покупок. Времени у него было достаточно.

†

— Хорошая машина, — сказал Майк после того, как тоже прокатился. — Едет очень бодро. Почему не дизель?

— Тоже думал, — ответил Свенссон. — Но они слишком дорогие. И хрен его знает, сколько будет стоить ТТ. Я не хочу уменьшать свои ежемесячные деньги из-за машины, и кредит брать не хочу.

— А ты вообще можешь себе его позволить? Может, лучше что-то поменьше?

— А почему нет? — Свенссон пожал плечами. — Жизнь коротка. И шикарно разориться — тоже вариант.

— Откуда вдруг такие мысли? — удивился Майк.

Свенссон криво улыбнулся.

— Хочу немного пожить на износ.

Майк только покачал головой.

— Вполне разумно. Тогда бери.

— Посмотрим, — сказал Свенссон. И вдруг он испытал что-то вроде древней мужской радости — ускорение V8 было нешуточным. — Просто приятно знать, что можешь, если захочешь.

Майк открыл капот. Он и Свенссон с наслаждением разглядывали восьмицилиндровый двигатель. Вдруг зазвонил телефон Свенссона. Он вытащил его из кармана и посмотрел на дисплей.

— Так быстро? У неё что, температура? — удивился он и ответил. — Майк слышал, как Ханна взволнованно говорит. Свенссон пообещал ей приехать как можно скорее. — Поедешь со мной? — спросил он, покачав головой и с кривой улыбкой, когда закончил разговор.

Майк кивнул.

— Мне только нужно предупредить Джесси, — сказал он. — Вообще-то мне ещё собраться надо. Мы завтра утром уезжаем.

Свенссон протянул ему свой телефон. Майк хотел отказаться, но после того, как Свенссон строго на него посмотрел, взял телефон.

— Тебя подбросить в аэропорт? — спросил Свенссон, пока Майк набирал номер. — Только в Эмден я не поеду, — сразу добавил он.

— Нет, — ответил Майк. — Мы едем на две недели на машине к моему брату в Баварию.

†

Когда они подъехали к автосалону, Ханна уже стояла у входа. Она пританцовывала от нетерпения.

— Привет, малышка. — Майк обнял её. — Горжусь тобой.

Свенссон рассказал ему про её аттестат.

— Спасибо, Майк, — ответила она немного рассеянно и с сияющими глазами взяла брата за руки. — Турбо! В нежно-голубом! Именно такой, как я хотела! Я могу забрать его через неделю!

Это прозвучало как просьба — и ею и было.

— Его обратно ввезли, что ли? — спросил Свенссон у Майка, цвет его насторожил.

— Похоже на то, — согласился Майк.

— Да, но новый, с гарантией и всё такое! — быстро встала Ханна.

— Ладно, — сказал Свенссон. Продавец был порядочный, если сказал ей про реимпорт. — Давай определимся с ценой.

Ханна кивнула, нервно потирая руки.

Мельховски ждал их у себя в кабинете. Когда они вошли, он широко улыбнулся. Это была улыбка победителя. Он знал, что они у него в руках, но улыбка оставалась добродушной. Свенссон позволил ему это. Он представил Майка.

— Ну что ж, — сказал он приглашающе.

Мельховски описал машину. ТТ был в порядке.

— Хорошо, — сказал Свенссон. — А теперь назовите ра-

зумную сумму. — Мельховски назвал цену. — А вместе с А8? — поинтересовался Свенссон. — Мельховски что-то прикинул — или сделал вид — и назвал итоговую сумму. Не глядя на сестру, Свенссон прищурился и едва заметно покачал головой. — Слишком много.

Он сказал это мягко, но так непреклонно, что Ханна сразу поникла. Она увидела, как её машина испаряется, но не сказала ни слова. Мельховски был хорошим знатоком людей и наблюдателем — реакция Ханны от него не ускользнула. Он сделал правильные выводы. Некоторое время он изучал Свенссона и немного снизил цену. Свенссон, по-прежнему вежливо, но холодно улыбаясь, снова покачал головой. Мельховски театрально вздохнул и ещё уступил. Свенссон молчал. Мельховски предложил бесплатную замену масла.

Свенссон подумал, что дальше торговаться не стоит. В конце концов, Мельховски хорошо проконсультировал Ханну и должен был нормально заработать. Свенссон скосил взгляд на друга, и Майк едва заметно кивнул. Свенссон снова посмотрел на продавца. Мельховски понимал, что он ему и при этой сумме идёт навстречу — за что он потом с должен будет помочь с обслуживанием или если буду проблемы. Они смотрели друг на друга — и каждый понял, о чём думает другой. Улыбка, почти исчезнувшая с губ Мельховски, вернулась. Свенссон коротко кивнул.

— Оформляйте договоры.

Ханна чуть не подпрыгнула от радости.

Формальности заняли ещё десять минут. Подписав бумаги, Свенссон достал пачку денег.

— Вот. — Он положил её на стол. — Тут не хватает двух тысяч, но когда будем забирать машины, я принесу. Мне ещё свою продать надо.

— Можете оплатить всё сразу потом, — предложил Мельховски.

— Не, — отмахнулся Свенссон. — Я не привык с пятьюдесятью тысячами наличными ходить. — Он коротко улыбнулся. — Я только недавно стал богатым.

— В лотерею выиграла? — спросил Мельховски, ловко и быстро пересчитывая деньги.

Свенссон кивнул.

— Вроде того.

— Правда? — изумился Мельховски. — Я уже почти пятнадцать лет играю — и ничего. Ну, пару раз по мелочи. — Он быстро выписал квитанцию. — Было приятно иметь с вами дело, господин Свенссон.

— Мне с вами тоже, — сказал Свенссон. Затем кивнул на Ханну. — А ей — особенно.

— Если я ещё чем-то могу быть полезен — всегда к вашим услугам. — Мельховски, в прекрасном настроении, широко улыбнулся. — Может, А2 для вашей жены?

— Моя жена... — глухо повторил Свенссон. — Она умерла.

Стало тихо. У Ханны застыла улыбка. Мельховски по-

смотрел на Свенссона. Его выражение лица изменилось, он сглотнул.

— Мне очень жаль, — сказал он. Это прозвучало искренне, не из-за денег. Он протянул Свенссону руку. — Примите мои соболезнования.

†

Снаружи Свенссон удивлённо посмотрел на сестру. Ханна выглядела подавленной.

— Ты что, не рада? — спросил он недоумённо.

Она посмотрела на него. Брат говорил нормально. Губы Ханны растянулись в улыбке.

— Ещё как! — Она обняла его изо всех сил. — Спасибо! — пропела она самым что ни на есть девчоночьим голоском.

В следующую секунду она застонала — брат ответил на объятие, а он был явно сильнее. Они играли в это с тех пор, как Ханна была маленькой.

— Пожалуйста, — сказал Свенссон, будто ничего не произошло. — Ханна упёрлась ему в грудь, пытаясь вырваться из его объятий. — Ханна. — Она подняла на него глаза. Свенссон посмотрел ей прямо в глаза. — Ты будешь осторожна. Я тебя не потеряю, — сказал он твёрдо и сжал её сильнее.

— Обещаю, — тихо и решительно сказала она. — Я никогда не оставлю тебя, Марк.

Она поцеловала его, словно закрепляя свой обет. Они посмотрели друг другу в глаза.

— Это заодно подарок тебе к двадцать первому, — добавил Свенссон, он уже звучал спокойнее.

— Ладно, — легко согласилась Ханна. — Поехали хвататься.

— Немедленно, — сказал Свенссон. — Как только высадим Майка.

†

По дороге к родителям Ханна лихорадочно размышляла.

— Может, нам вдвоём это отметить? — она едва не лопалась от радости. — В клуб или ещё куда?

— Я — нет. Иди туда с подругами, — твёрдо сказал Свенссон. — Лучше пойдём все вместе поужинать, как ты и планировала.

— Тогда я приготовлю что-нибудь только для тебя!

Ханна, похоже, не знала, как ещё его отблагодарить. *Это мне надо её благодарить*, — подумал Свенссон.

— Это хорошо, — сказал он. — От такого не откажусь.

Он подмигнул ей. Она попыталась подмигнуть в ответ, но у неё это получалось плохо. Готовила она лучше.

Новость она объявила прямо с порога. У родителей это вызвало явно смешанные чувства.

— Вы с ума сошли, — сказал отец. — Мы думали о какой-нибудь малолитражке.

— Ну, огромной эту колымагу уж точно не назовёшь, — заметил Свенссон.

— Это не колымага! — возмутилась Ханна.

— Сколько лошадиных сил? — спросила мать.

Ханна молчала.

— Достаточно, — сказал Свенссон. — Более чем достаточно, — поправился он с усмешкой.

Ханна метнула в него уничтожающий взгляд. Отец покачал головой. Потом он увидел радость в глазах своих детей и обнял Ханну.

— Ну тогда поздравляю, — сказал он. И тут он не смог больше сдерживаться. — Пойдём, покажи мне свою машину.

Ханна расцвела. Они с улыбками прошли к столу. Ханна достала из сумки проспект, и через минуту уже наслаждалась выражением лица отца. Мать всё ещё сомневалась.

— Сын, ну это же было необязательно.

Свенссон понимал её беспокойство.

— Она будет ездить осторожно, ма. Она мне пообещала.

Мать внимательно посмотрела ему в глаза, затем успокоилась.

— Ну хорошо. Но такие деньги — и на машину... — Она покачала головой. — Не знаю.

Свенссон обнял её за плечи.

— Ма, посмотри на неё. — Он кивнул в сторону отца и Ханны, которые с сияющими глазами рассматривали машину на глянцевой бумаге. Отец, похоже, уже договаривался о пробной поездке. — Она не была такой радостной с тех пор, как... — Он запнулся. Мать посмотрела на него и кивнула. — И всё это из-за пары раскрашенных листков бумаги, —

продолжил Свенссон. — Что мне ещё с этими деньгами делать? В могилу с собой брать?

— Не говори так. — Мать обняла его. — Ну ладно. Ты хороший человек.

Свенссон поморщился. Ему не нравилось, когда его хвалят.

— Это ты меня так воспитала, — отрезал он.

— И я этим горжусь, — сказала она.

— Тогда иди, порадуй и её.

Свенссон слегка подтолкнул мать, сам остался стоять. Мать сказала Ханне несколько слов, и на её губах появилась широкая улыбка. Потом все трое повернулись к Свенссону и посмотрели на него. Он подошёл к ним.

†

Когда Свенссон собирался уезжать домой, Ханна проводила его до машины.

— Пока, малышка. — Он поцеловал её в лоб. — До субботнего вечера.

Тогда семья собиралась пойти вместе поужинать, чтобы отметить окончание Ханной школы. Она взяла его за руку и сжала её.

— Ты самый лучший старший брат, какого только можно представить. — Она улыбнулась. — Я бы хотела когда-нибудь встретить человека, похожего на тебя. И прожить с ним такие же годы, как все те счастливые годы с тобой.

— Ты очень дельная младшая сестра, — сказал Свенссон.

— Я никогда не мог нарадоваться тебе.

†

Ханна смотрела ему вслед, пока он уезжал. Его машина уже свернула за угол соседнего дома и давно исчезла из виду, а она всё ещё стояла на месте. Сегодня ему было весело, но он уже не был прежним. *Он никогда больше не станет прежним*, подумала Ханна. С грустью она пошла в дом.

†

Свенссон пришёл домой, вышел на балкон и прислушался к тишине. Это был хороший день, почти как раньше. Свенссон задумался над тем, что Ханна сказала ему на прощание. Она сказала это не из-за машины. Машина была лишь предлогом, чтобы сказать ему это. Ханна любила — быть его младшей сестрой.

Глава

20

Майк никогда бы не признался в этом вслух, тем более своей жене, но в этот раз ему было бы страшно садиться в самолёт. Похоже, Джессике — тоже. Но ни один из них об этом не сказал ни слова.

Вчера они вернулись из долгой поездки совершенно вымотанные и сразу же легли спать. Сегодня Майк оставил жену разбирать вещи и приводить квартиру в порядок, а сам ушёл с дочерью на детскую площадку. Там было немало соседок с детьми, так что у Мануэлы было с кем играть. Майку тоже было хорошо — он всегда чувствовал себя особенно

комфортно в обществе женщин.

Когда они вернулись домой, девочка была очень голодная и приятно уставшая. В таком состоянии она сразу делала всё, что ей говорили. Майк стоял, прислонившись к дверному косяку, и смотрел, как его жена и дочь возятся на кухне.

— Я тогда заеду к Марку, — сказал он.

Джессика бросила на него взгляд и вздохнула. Майк не совсем понял, что этот взгляд означал.

— Когда вернёшься? — спросила она, как спрашивали женщины с изначала времён.

Ответ она, вообще-то, знала — как и все жёны. Но мужчинам время от времени нужно было напоминать, что с браком приходят и определённые правила. Джессика не могла просто так отпустить мужа без всяких условий.

— Вероятно, поздно, — уклончиво ответил Майк. — Мы две недели не виделись.

— Ты потом будешь есть? — спросила Джессика, хотя и это знала заранее.

Майк замялся.

— Не, думаю, мы что-нибудь поедем, — сказал он почти виновато и отвёл взгляд. — Тебе не нужно меня ждать, — добавил он.

Джессика добилась своего. Она тепло улыбнулась ему.

— Ладно, милый, хорошо проведи время. Передавай Свени привет. — Она подошла и поцеловала его. — Я люблю тебя.

Ему не нужно было испытывать угрызения совести. Лёгкого ощущения того было вполне достаточно.

— Я тебя тоже, — сказал Майк.

Он поцеловал жену и дочь и ушёл.

†

Повинуясь внутреннему чувству — а точнее потому, что его друг не взял трубку, — Майк поехал в мастерскую.

Его догадка подтвердилась. В мастерской стоял чёрный А8, Свенссон стоял на коленях позади машины, вооружённый феном, и удалял надписи с крышки багажника. Он не любил такие вещи.

Когда Майк вошёл, Свенссон обернулся. Он выглядел раздражённым. Потом улыбнулся.

— О, дед, загорел-же ты.

Они пожали друг другу руки.

— Как ты? — спросил Майк.

Свенссон пренебрежительно махнул рукой.

— Меня тошнит.

Майк огляделся. Инструменты валялись где попало — это было не в стиле Свенссона.

— Что случилось?

Майк достал пачку Марлборо и протянул ему. Свенссон взял сигарету и дал ему прикурить.

— Эти плёнки, — ответил он, затянувшись. Майк посмотрел на Ауди. Задние стёкла были затонированы. — Я сегодня должен был только прокладку ГБЦ на том Гольфу поменять.

На это и трёх часов не ушло — причём я был один. Потом хотел затемнить стёкла. И чуть с ума не сошёл. — Свенссон говорил раздражённо. — С половины десятого и до сих пор с этим возжусь. Заднее стекло два раза переделывал.

Он явно злился.

— Когда ты в последний раз клеил? — спросил Майк.

— Года три назад.

— Ну пойдёт ведь после такой паузы.

— Пойдёт. Я тут чуть не свихнулся.

Свенссон вздохнул и начал отполировывать остатки клея с крышки багажника. Майк осмотрел стёкла.

— Да нормально получилось, — сказал он с одобрением.

— После семи часов, — продолжал раздражаться Свенссон.

Лучше пусть злится из-за этого, подумал Майк, чем из-за другого.

— Как Ханна? — спросил он.

И увидел, как лицо друга посветлело.

— Уже два дня без остановки катается на ТТ. Только что была тут, ты с ней буквально разминулся. — Свенссон усмехнулся. — Ты бы её видел, дед. Честно, тебе бы понравилось. Шарф на шее, солнечные очки на носу. Стильная такая. — Свенссон засмеялся. — Она работу нашла на каникулы, до универа, — продолжил Свенссон. — Может, и на время учёбы тоже, но не сказала, где и кем. Хочет сама платить за машину. Я бы оформил её на себя и мог бы всё опла-

тить, но она захотела сама. В отпуск не едет. — В его голосе звучала глубокая гордость. — Она выросла.

Слава Богу, что у него есть Ханна, подумал Майк.

Его младшая сестра была центром жизни Свенссона, она всегда была для него всем. Он утешал её, слушал, защищал и помогал, как только мог — он был её старшим братом всей душой. Он во многом воспитывал её сам, их родители часто были в разъездах. Он баловал её, когда она была маленькой, и всегда был рядом, когда она выросла. И она обожала брата такой любовью, какую он сам раньше нигде не мог себе представить — пока не встретил Лизу и не стал отцом. Но даже когда Свенссон женился на любви всей своей жизни и у него родилась дочь, он продолжал заботиться о сестре.

— Где Каплер? — спросил Майк.

— В банке. Я с обеда тут один, — ответил Свенссон. — Было приятно тихо. — Он встал, потянулся и с довольным видом посмотрел на Майка. — Ну что, чем займёмся?

Настроение у него, похоже, улучшилось.

— Поеть? — предложил Майк.

— Хорошая идея. — Свенссон нахмурился. — Эм... может, устроим шашлыки?

— Да, — сразу ответил Майк, заметно оживившись.

— Ян! — заорал Свенссон.

Майк вздрогнул.

— Ты сдурел? — поинтересовался он.

— Не. — Свенссон расплылся в широкой улыбке. — Мне

просто лень за угол идти, — пояснил он. — Ян! — крикнул он снова.

Майк посмотрел на него вопросительно.

— Ты же сказал, что один здесь, — сказал он, демонстративно ковыряя в ухе.

— Так и было. — Свенссон продолжал ухмыляться. — У него был школьный день. Сейчас свою тачку к выходным чистит.

В этот момент из-за угла появился ученик.

— Что? — спросил он.

— Мы тут собираемся гриль раскочегарить, — ответил Свенссон. — Ты с нами?

Ян не раздумывал. Его мастер и его друг иногда бывали высокомерными, но в целом классные мужики. Яну у Свенссона было лучше, чем большинству из его группы — в других мастерских мастера держали учеников на дистанции. Свенссон мог устроить разнос, если ты накосячил, но он знал своё дело, поэтому ругал всегда по делу и никогда не высмеивал.

— С удовольствием, — сказал Ян.

— Отлично. — Свенссон явно был доволен. Он достал бумажник и дал Яну деньги. — Дуй, купи мясо, уголь и выпивку.

— Почему я? — спросил Ян, но без серьёзного возражения.

— Сколько ты уже тут, год? — высокомерно поинтересо-

вался Свенссон. — Слушай сюды, парень. В немецком ремесленничестве тысячи лет действует закон: ученики всегда делают то, что им говорят мастера. — Свенссон поднял палец. — Когда мы были учениками — мы были на побегушках. Когда станешь мастером — ты будешь гонять. А пока, — он ткнул Яна пальцем в грудь, — ты ученик. — Он явно был доволен своей речью и внимательно посмотрел на Яна, понял ли тот смысл. — Давай, бегом!

— Есть, повелитель, — ответил Ян покорно.

— Вот так, — довольно улыбнулся Свенссон.

— На А8 поеду? — с надеждой спросил Ян.

Свенссон оценивающе посмотрел на него и постучал себя по лбу.

— Ты что, ацетона нанюхался?

— Я тогда за грилем, — поспешил вставить Майк. — Пока ты и меня не отчитал. Где он?

— Хорошо, — довольно протянул Свенссон. — В сарае. — Он протянул Майку ключ. — А я пока покурю.

— Иногда ты реально противен, — заметил Майк.

— Это точно, — спокойно согласился Свенссон.

По его улыбке было видно — ему весело. Такого настроения у него давно не было. Майк вдруг обрадовался ещё сильнее.

†

Конечно, Яну тоже пришлось и жарить — но это он и предчувствовал. По крайней мере, оба старика подготовили

всё остальное, пока он ездил за покупками. За его выбор они его особо не похвалили, но и не поругали — а это уже было неплохо.

Теперь они сидели в старых автомобильных сиденьях, которые Свенссон когда-то вытащил из разбитой машины, и разговаривали об автомобилях. Обычно с этого они и начинали — прежде чем перейти к политике, более жёстким наказаниям для рецидивистов или к возникновению сингулярностей.

Они были на девять лет старше, многое пережили — в основном вместе, — но никогда не делали вид, что знают всё, а продолжали учиться, особенно друг у друга. Оба выросли в деревне, у них были братья и сёстры, и это дало им более глубокое отношение к жизни, чем у Яна. Он вырос в городе, единственным ребёнком. Ян про себя усмехнулся: для него они великодушно тоже поставили сиденье — на потом, когда он закончит с грилем.

Он начал раздувать огонь, одновременно слушая их. Сейчас речь шла о машине знакомого Майка, которая плохо работала.

— Я думаю, дело в зажигании, — как раз говорил Свенссон.

— Мастер... — слово «зажигание» заставило Яна насторожиться. — А что такое ток покоя?

— Это отключение, чтобы катушка зажигания... — Свенссон осёкся и резко посмотрел на него. — Ты нахал! —

Он покачал головой. — Это же вопрос из твоей учебной тетради. — Он ткнул Майка локтем в бок. — Молодёжь нынче, а? — возмутился он. — Сам выучишь, — безжалостно постановил он.

Ян обречённо вздохнул. Майк посмотрел на него с лёгкой, чуть насмешливой жалостью. Свенссон пошёл к разбитой машине за мастерской, чтобы снять распределитель — Майк хотел попробовать его на машине своего знакомого.

†

Марайке в этот пятничный вечер осталась в офисе и работала сверхурочно. Так ей теперь нравилось больше — она могла работать в своём собственном ритме. Ей не нужно было подстраиваться под коллег, и она не чувствовала себя зажатой, как это бывает у каждого, кто только начинает среди более опытных. К тому же вся эта офисная атмосфера начала её понемногу утомлять. В индустрии моды каждый хотел прикоснуться к её блеску. Многие старались вести себя так, как, по их представлению, ведут себя звёзды — точнее, как они это видели в журналах и по телевизору. Марайке тоже нравился этот лёгкий привкус большой жизни, но она ещё не обладала той естественностью, что была у других. Она ещё не стала такой гладкой и непринуждённой, как они, и со временем эта манера держаться начала её откровенно утомлять — для неё это было уже слишком.

Марайке отправила последнее письмо и потянулась — она разобрала внушительную стопку дел. Она взяла жакет и вы-

шла; платок она сняла ещё раньше, когда остальные ушли на выходные.

На улице было тепло и солнечно. Марайке посмотрела на часы — было только немного за шесть. Ей казалось, что уже позже: она успела сделать очень много. Марайке неторопливо пошла к парковке.

Мужчина, который несколько недель назад её отшил, копался под капотом старой выцветшей машины. Она поглядывала, не появится ли он, но с того памятного дня больше его не видела. Она злилась на него и одновременно... Нет, не была им очарована — скорее испытывала интерес, сама не понимая почему.

Когда Марайке поравнялась с ним, он, видимо, услышал её шаги, поднял голову и посмотрел на неё. Она хотела его проигнорировать, но он улыбнулся ей и кивнул, прежде чем снова опустить голову. Марайке нахмурилась. Похоже, тогда он действительно не пытался её поставить на место — не хотел мстить за её грубость. Марайке, незаметно глубоко вдохнула.

— Марк? — позвала она. — Он повернул голову и вопросительно посмотрел на неё. — Ты всё ещё слишком занят, чтобы сходить выпить со мной кофе? — она старалась, чтобы это прозвучало легко, почти шутливо. — Или чего-нибудь другого?

Сначала Марайке показалось, что он сейчас улыбнётся и согласится. Но это ощущение исчезло. Он выглядел так, буд-

то хотел ей что-то объяснить. Но затем просто стоял и смотрел на неё.

†

Свенссон смотрел на неё. Она напоминала ему Лизу, и на короткое мгновение ему показалось, что если он проведёт с ней немного времени, то хотя бы на эти несколько минут будет так, словно Лиза рядом с ним.

— Может, хочешь жареного на гриле? — нерешительно спросил он.

Пока она, удивлённая его предложением, раздумывала, Свенссон уже желал, чтобы она отказалась — так же сильно, как ещё мгновение назад надеялся, что она согласится.

†

Марайке посмотрела на него. Она не могла понять, почему он сделал это предложение. *Стоит ли это выяснять?* спросила она себя. Она слегка наклонила голову — движение, которое могло намекать, что она, возможно, подойдёт. Тень улыбки мелькнула на лице Свенссона и исчезла, будто её и не было.

— Ладно, — сказала она наконец.

— Подходи, — сказал он и махнул рукой.

По нему нельзя было понять, что он рад её согласию. Он развернулся и ушёл.

Что это вообще за человек? подумала Марайке.

С чувством любопытства, смешанного с упрямством, она обошла забор. Подойдя к въезду в мастерскую, она увидела,

что ворота открыты. В них сидели он и какой-то незнакомый мужчина. Рядом дымился гриль, у которого возился молодой ученик.

†

— Это та самая, о которой ты мне рассказывал? — тихо спросил Майк.

— Да, — подтвердил Свенссон.

Ян ухмыльнулся злорадно. Разговор между Свенссоном и этой женщиной он тогда слышал. Майк тем временем внимательно рассматривал Марайке.

— Она довольно сильно похожа на Лизу.

— Я это засёк, — глухо сказал Свенссон.

†

Марайке подошла с достоинством. Она остановилась примерно в метре от гриля, слегка наклонила голову и посмотрела на них сверху вниз. Ничто в ней не напоминало о разговоре трёхнедельной давности.

— Здравствуйтесь, — сказала она уверенно.

— Привет, — сказал мужчина, которого она не знала.

Ни один из них не встал.

— Это Майк, — сказал Свенссон. — Яна ты уже видела.

— Марайке пожала им руки. Свенссон кивнул на сиденье рядом с собой. — Садись, — предложил он.

— Спасибо.

Марайке села. Свенссон поднялся и, шаркая, пошёл к открытому сараю. Вернулся он, таща за собой ещё одно сиде-

нье, молча поставил его рядом с остальными и снова сел.

†

Вот так, довольно подумал Ян, вот такой матерый у меня мастер. Другой заставил бы ученика тащить сиденье, чтобы показать, кто тут главный.

— Как вкусно пахнет, — сказала Марайке.

Это была банальность, она сама это понимала, но напряжённое молчание в воздухе нужно было как-то разрядить. Хотя, по мнению Яна, всё шло пока вполне неплохо.

— Сейчас будет готово, — пообещал он.

— И что? — спросила Марайке.

— Не курица, — ответил Свенссон. — Только мужская еда.

Марайке рассмеялась.

— А это что?

— Мёртвая свинья, — объяснил Майк.

— Звучит неплохо, — сказала Марайке и вдруг почувствовала себя вполне уютно.

— Твоя очередь, — сказал Свенссон своему другу.

Майк молча встал и ушёл. Вернулся он с ещё одной бумажной тарелкой и пластиковыми приборами.

— Хочешь пива? — спросил он Марайке.

— А что ещё есть? — поинтересовалась она.

— Кола.

— Тогда лучше колу, мне ещё ехать.

— Ха, — сказал Майк и сел.

Свенссон поднялся.

— Там же ещё есть, — Марайке показала на открытую бутылку.

— Я из горла пил, — ответил Свенссон и ушёл назад.

Он принёс ещё одну бутылку и бумажный стакан.

— Готово, — объявил Ян.

†

Некоторое время они ели молча. Свенссон, казалось, не замечал напряжения — или просто игнорировал его, — но оно было. Марайке старалась не думать об этом, но получалось плохо, особенно потому, что Ян всё время ухмылялся себе под нос. Майк тоже улыбался — только глазами, — и это ещё больше её сбивало с толку, хотя улыбка у него была добродушная.

Марайке украдкой разглядывала Свенссона и его друга. Они могли бы быть братьями, если бы не были такими разными. Если у Свенссона плечи были широкие, то у Майка — просто устрашающе огромные, как и всё остальное. Он был мощно сложен, но двигался с той же лёгкостью, что и Свенссон. Лицо у него, в отличие от Свенссона, было круглым, волосы — чёрные, щёки полные. Борода гуще и тоже чёрная. Они не могли быть братьями, но в их лицах и в том, как они общались, было что-то, присущее людям, выросшим как одна семья.

— Спасибо, Ян, вкусно было, — сказал Свенссон, доев свой стейк. — Будь я шефом, я бы тебе зарплату поднял.

— Да, было очень вкусно, — сразу добавила Марайке. Это прозвучало немного натянуто. — Спасибо, — сказала она проще, и это вышло гораздо лучше.

— Я, пожалуй, ещё кусок возьму, — сказал Майк.

— Давай один на двоих? — предложил Свенссон. — Ян, налей деду ещё пива.

— Тогда я не смогу ехать, — сказал Майк.

Он разделил стейк и положил половину на тарелку Свенссона.

— Я тебя отвезу. А ты, — это было Яну, — пей колу.

Ян с кислым видом, но молча, оставил бутылку пива и взял ту, из которой пил Свенссон. Тот встал и ушёл за угол. Послышалась отрывка. Свенссон вернулся довольный.

— Хорошо приготовил, — сказал он и хлопнул Яна по плечу.

Майк повторил процедуру — только отрывка у него получилась погромче. Ян усмехнулся. Эти двое могли с закрытыми глазами перебрать двигатель, но при этом любили играть в такие вот игры, как подростки. И делали это естественно, им даже не нужно было договариваться.

Марайке постепенно расслаблялась. *Вот это мужики*, подумала она и с трудом сдержала смех. Вдруг, повинувшись порыву, она встала и тоже пошла за угол. Настоящей отрывки у неё, конечно, не вышло, но она рассмеялась.

— Да это вообще ни о чём, — оценил Свенссон, когда Марайке, слегка смущённая, вернулась, но посмотрел на неё

с одобрением. — Ян, дай ей ещё кусок.

— Нет, спасибо. Я правда сыта, — со смехом отказалась Марайке.

Теперь она чувствовала себя полностью свободно. Принять приглашение было хорошей идеей.

У Яна зазвонил телефон. Он ответил и отошёл на несколько шагов.

— Я поеду, — сказал он после разговора, попрощался и ушёл.

†

— Нормальный парень, твой ученик, — заметил Майк.

— Да, из него будет толк, — согласился Свенссон.

Снова воцарилось молчание. Марайке сделала глоток из своего стакана.

— Ну и что сказал старик про твою новую тачку? — спросил Майк.

— Конечно, расстроился, что я не у него купил. — Свенссон пожал плечами. — Сказал, мол, и поменьше машина стодила бы. Я хотел ему объяснить, но мне, если честно, вообще по барабану. Он ещё что-то вякнул — мол, как я себе это позволяю.

— А ты? — усмехнулся Майк.

— Скромность украшает, но без неё жить проще, — сказал я ему, — Свенссон звучал чуть раздражённо. Майк и Марайке рассмеялись. — Что? — спросил Свенссон своего друга. — Так твоя бабуля всегда говорила.

— Ну да, — скептически протянул Майк.

— Именно, — подтвердил Свенссон, уже спокойнее. — Правда, при этом она всегда как-то хитро ухмылялась, — добавил он задумчиво.

— Ключ от мастерской он у тебя не забрал? — спросил Майк, снова серьёзно.

— Ещё чего. Я ему нужнее, чем он мне. — Свенссон сделал глоток. — Я вообще тут из-за Яна. Ну и потому, что мне самому иногда надо своей машиной заняться.

— Так и думал.

— Это твоя машина? — спросила Марайке, показывая на стоявший за ними в мастерской А8.

— Да, — коротко ответил Свенссон.

— Красивая, — сказала Марайке с впечатлением.

В её мире такие вещи имели значение.

— Мне она тоже очень нравится, — отозвался Свенссон.

Это прозвучало или упрямо, или слегка раздражённо — Марайке не была уверена.

— Вы оба мастера? — спросила она.

— Ага, — ответил Майк. — И это тоже.

— А сколько вам лет?

— Двадцать девять, — сказал Свенссон, — дед немного старше.

— Почему «дед»? — заинтересовалась Марайке.

— Потому что он старше, — пожал плечами Свенссон.

— На сколько?

— На десять дней.

— А он тебя как называет? — рассмеялась Марайке.

Свенссон не ответил.

— Свени, — ответил за него Майк с усмешкой. — Даже не спрашивай, — быстро добавил он, пока Марайке не задала следующий вопрос.

— Мило, — улыбнулась она.

— Мило, — ядовито повторил Свенссон. — Тьфу.

Майк рассмеялся.

— И давно вы уже мастера? — продолжила Марайке.

— Почти шесть лет, — ответил Свенссон. — А что?

— Да так, — уклонилась Марайке.

Как может обычный мастер, да ещё такой молодой, так мало работать и при этом позволить себе такую машину? подумала она.

В её мире это были важные вопросы. Марайке выросла в обеспеченной семье, в соответствующем окружении, ей никогда ни в чём не приходилось себе отказывать. Раньше она почти не сталкивалась с людьми из более простых условий — разве что мельком, во время учёбы и работы, — и их мир её мало интересовал. По сути, только после той стычки с этим самым человеком, который сейчас сидел рядом с ней, Марайке начала понимать, что люди — это не просто сумма их одежды и прочих вещей. Эти двое были другими, не такими, как мужчины из её круга. Они говорили прямо, без обиняков. В её окружении никто бы на такое не решился. Эти не

пытались произвести на неё впечатление. Они просто позволили ей быть частью их вечера — без условий и ожиданий. Хотя, будь она мужчиной, было бы ли так — другой вопрос. *Женский бонус работает везде*, усмехнулась про себя Марайке.

В последнее время она всё больше благодарила отца, которого очень уважала. Это он настоял, чтобы перед учёбой она сначала получила профессию и поработала — и не в его компании. А после учёбы — ещё где-нибудь, прежде чем идти к нему. Он говорил, что это расширит её кругозор. И он снова оказался прав.

Пока Марайке молчала, Свенссон и Майк разговаривали между собой. Она прислушалась. Они говорили о звёздах — разговор, похоже, начался уже давно.

— Вселенная может быть, — говорил Майк, — геоцентрической. Всё зависит от точки отсчёта. И она может быть не само-упорядочивающейся.

— А какой? — спросил Свенссон.

— Такой, какой мы её сейчас видим — созданной, — задумчиво продолжил Майк. — Чтобы у Земли было пространство, где двигаться. Всё как-то слишком уж подогнано под жизнь, причём на Земле, тебе не кажется?

— А как же все эти древние звёзды, которые постоянно взрываются? — возразил Свенссон. — Слишком уж странно выходит.

— Вино на свадьбе Он тоже создал уже выдержанным —

в одно мгновение, — заметил Майк.

— Тоже верно, — задумчиво сказал Свенссон.

Вот это да, подумала Марайке, *ну и темы у них...* Но аргумент был сильный, она запомнила его. В её окружении подобные разговоры тоже случались — только с кучей лишних, пустых слов. И это были не разговоры, а споры, где каждый в итоге оставался при своём мнении. Вдруг Марайке слегка передёрнуло. Свенссон вопросительно посмотрел на неё.

— Становится прохладно, — сказала она.

— Ах. Надень свой жакетик, — предложил он.

— Ой, точно. — Марайке, смущённо улыбаясь, надела жакет. Потом снова включилась в разговор. — Вы женаты?

Свенссон покачал головой и взглянул на друга.

— Я да, — сказал Майк, — и у меня есть дочь. — Он быстро сменил тему. — А тебе сколько лет?

— Двадцать шесть.

— Кем работаешь?

— Я заместитель руководителя отдела, — сказала Марайке и показала на здание компании рядом.

— В производстве одежды ничего не понимаю, — признался Майк, — да и всё коммерческое из школы мастеров уже забыл.

— Ну, — Марайке улыбнулась, — я это изучала.

— Ого, — сказал Майк. — И, нравится тебе работа?

— Да, в общем.

— Расскажи.

Майк, похоже, вспомнил, что женщинам нужно уделять внимание. Марайке стала рассказывать о своей работе. Сначала она подумала, что он спрашивает из вежливости, но он задавал уточняющие вопросы, если что-то было не совсем понятно — похоже, ему действительно было интересно. Свенссон тем временем куда-то ушёл, и Майк пересел поближе, чтобы удобнее было разговаривать.

— Неплохая работа, — сказал он наконец.

— Да, — подтвердила Марайке. — А что с Марком? — спросила она спустя некоторое время.

— В смысле? — осторожно переспросил Майк.

— Ну... — Марайке замялась, она знала Майка всего пару часов. — Я... он, наверное, рассказал тебе, что я на него тупо наехала. — Майк кивнул. — Ну а потом я извинилась и пригласила его на кофе. — Она коротко улыбнулась, Майк тоже. — Марк меня отшил. Сказал, что не занят, не гей, и дело в нём. — Марайке замолчала, ожидая, но Майк ничего не сказал. — Я не в его вкусе? — спросила она прямо.

— Да нет. Ты в вкусе любого мужика, и ты это сама знаешь.

— Тогда что? — оживилась Марайке.

— Я тебе не скажу, он должен сам. — ответил Майк. — И сейчас он, похоже, действительно не может. И дело и правда в нём. — Майк задумался. — Если он тебе серьёзно интересен, подожди немного. Если он придёт в себя, даст себя пригласить.

— Тогда зачем он сегодня сам меня позвал?

— Потому что... — Майк замялся. — Мне это тоже непонятно.

Марайке почувствовала, что он уходит от ответа и говорит не всё.

— Что с ним случилось? — продолжила она.

— Оставь, — сказал Майк так, что Марайке поняла: дальше он говорить не будет.

— Вы меня обсуждаете? — спросил Свенссон, подходя из темноты мастерской.

— Да, — подтвердил Майк. — Какой ты лось эдакий.

— А. — Свенссон сел. — Продолжайте.

— Где был?

— Смотрел Яновы отчёты. Решил, что на следующей неделе мне сюда приходить не хочется. — Свенссон криво усмехнулся. — Нашёл рядом с домом библиотеку и ограбил её.

Марайке хотела спросить, любит ли он читать. Но это и так было понятно. Она промолчала. Некоторое время они сидели молча.

— Знаешь, что сейчас было бы хорошо, дед? — вдруг спросил Свенссон.

— Мм?

— Сигары, — тихо сказал Свенссон. — Как тогда.

— Да-а...

Оба уставились перед собой. Марайке откашлялась и по-

смотрела на часы.

— Уже после одиннадцати. Мне пора ехать. — Она замялась. Ей вдруг захотелось, чтобы они попросили её остаться. Но они молчали. Смотрели в пустоту, словно вспоминали что-то своё. Марайке встала. — Спасибо, вечер был приятный. — Они слегка повернули головы в её сторону и кивнули. Она протянула руку. — Может, ещё увидимся.

— Обязательно, — сказал Майк.

Свенссон ничего не сказал, только кивнул. Они пожали ей руку. Марайке улыбнулась им и медленно ушла.

†

Свенссон ещё несколько мгновений сидел неподвижно, опершись руками о колени. Потом откинулся назад и закрыл глаза. Майк смотрел вслед Марайке, пока она не исчезла из виду. В темноте на гриле едва заметно тлели красноватые брикеты.

— По-моему, ты ей нехило нравишься, — сказал Майк.

Свенссон приоткрыл один глаз и покосился на него.

— С чего такие пронизательные выводы?

— Да она меня про тебя спрашивала. Вернее, пыталась.

Свенссон снова закрыл глаз.

— Надо было всё ей рассказать — и дело с концом.

Майк покачал головой.

— Не уверен. Да и я не твой секретарь. — Он сделал глоток пива. — Почему ты думаешь, что тогда она бы от тебя

отстала?

— Из деликатности? — предположил Свенссон. — В этом нет смысла.

Майк немного помолчал.

— Может, и есть, — возразил он. — Тебе это могло бы пойти на пользу.

— Думаешь?

— Да.

Свенссон резко выпрямился.

— Майк, я люблю Лизу. И всегда буду любить. И потом, прошло всего несколько месяцев.

— И правильно. Я и говорю — люби Лизу. Но, может быть, ты сможешь полюбить и кого-то ещё. Немного по-другому. Когда-нибудь.

— Я больше никогда не женюсь.

— А кто говорит про женитьбу?

Свенссон протянул Майку маринованный огурец, оставшийся после еды. Майк откусил, покачал головой и вернул овощ. Свенссон сунул огурец себе в рот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.